

НАРОДОПРАВСТВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1917 г.

г. г.

№ 3

17 Юня.

СОДЕРЖАНІЕ.

А. ПОЙМИНОВЪ. ДВА ИНТЕРНАЦИОНАЛА.
ПРАПОРЩИКЪ УШАКОВЪ. ВЪ ГОРНЫХЪ
ТРУЩОБАХЪ.

Н. А. БЕРДЯЕВЪ. ВЪ ЗАЩИТУ СОЦІАЛИЗМА.

ИВАНЪ НОВИКОВЪ. „ВЪ ЭТИ ДНИ“.

ПРОФ. М. Н. СОБОЛЕВЪ. СОВРЕМЕННЫЙ
КРИЗИСЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

В. В. ОСТРОВСКІЙ. БОРЬБА НАЦІЙ И БОРЬ-
БА КЛАССОВЪ.

Н. М. ЮРДАНСКІЙ. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢ-
НІЕ.

Н. Н. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НАРОДОПРАВЕЦЪ. СРЕДИ КНИГЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

НА ОДИНЪ МѢСЯЦЪ—1 Р. 20 К., НА ТРИ МѢСЯЦА—3 РУБ. ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НУМЕРА—30 К.
ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКІЯ ОРГАНИЗАЦІИ ПОЛЬЗУЮТСЯ КРЕДИТОМЪ И ЛЬГОТНЫМИ
УСЛОВІЯМИ—ПРИ ВЫПИСКѢ НЕ МЕНѢ СТА ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ УСТУПКА 50%.

Адресъ конторы:

Москва. Б. Дмитровка, 13 (ходъ съ пе-
реулка), кв. 18. Тел. 2-39-96.

Адресъ редакціи:

Москва. Солянка, д. 1, кв. 88.
Тел. 3-97-14.

Отдѣленіе конторы въ Петроградѣ:
Невскій, 100. «Посредникъ печати»

Цѣна 30 коп.

ДВА ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Когда въ срединѣ XIX вѣка экономическія отношенія народовъ приняли формы мірового хозяйства, и предложеніе, спросъ, производство и потребленіе, благодаря чрезвычайному развитію капитализма, расширились на мировую арену, возникло естественное стремленіе перенести политическую борьбу на международную почву и попытаться подчинить всѣ государства дѣйствию единого права и единой воли всего человѣчества и тѣмъ разрѣшить проблему міра и прекращенія войнъ. Это стремленіе нашло свое выраженіе между прочимъ въ знаменитомъ Коммунистическомъ манифестѣ, изданномъ въ 1847 г. Марксомъ и Энгельсомъ отъ имени интернациональной социалистической организаціи «Коммунистической лиги». Идеи Коммунистическаго манифеста въ значительной степени легли въ основаніе перваго социалистическаго Интернационала (1864—1872).

Первый Интернациональ, или официально «Международная ассоціація работниковъ», былъ основанъ въ 1864 году въ Лондонѣ, по мысли англійскихъ и французскихъ рабочихъ, для взаимной поддержки ими своихъ профессиональных интересовъ. Сначала въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ, въ Интернационалѣ господствуютъ французскія, прудоновскія идеи взаимопомощи; съ Брюссельскаго конгресса 1868 года начинаютъ преобладать коллективизмъ Маркса и анархизмъ Бакунина.

Общій принципъ Интернационала былъ сформулированъ на первомъ конгрессѣ (въ 1866 г. въ Женевѣ); «эмансипація рабочаго класса проблема не мѣстная и не національная, а социальная, которая охватываетъ всѣ страны, гдѣ существуетъ современное общество, и разрѣшеніе которой зависитъ отъ общаго дѣйствія всѣхъ наиболѣе передовыхъ странъ».

Въ 1866 г., когда между Франціей и Пруссіей были очень натянутыя отношенія, различныя англійскія, французскія, нѣмецкія группы рабочихъ, членовъ интернационала, обнародовали тождественные протесты противъ войны. Въ Парижѣ отдѣломъ интернационала образована была международная лига разоруженія. Въ своемъ воззваніи эта лига энергично порицала дѣйствующую систему вооруженія, которая превращаетъ войну въ ремесло и дѣлаетъ ее неизбежной; протестовала противъ постоянныхъ армій и требовала, въ качествѣ переходной мѣры, организаціи национальныхъ милицій, какъ наиболѣе дѣйствительнаго средства уничтожить навсегда преимущество грубой силы надъ умственной и моральной властью народовъ.

Бакунинъ, вступившій въ Интернациональ въ 1868 году, такъ сформулировалъ основные тезисы своей программы: «Всѣ основанныя на принужденіи государства, сводя все болѣе свою роль къ простымъ административнымъ функціямъ, должны исчезнуть во всемірной уни свободныхъ земледѣльческихъ и промышленныхъ ассоціацій. Соціальныя вопросы могутъ получить окончательное и дѣйствительное разрѣшеніе только на основѣ международной или всемірной солидарности работниковъ всѣхъ странъ. Мы отвергаемъ всякую политику, основанную на такъ называемомъ патриотизмѣ и на враждѣ націй. Мы хотимъ свободного всемірнаго союза всѣхъ союзовъ».

Бакунинскій анархизмъ вызвалъ противъ себя непримиримую вражду со стороны Маркса. Борьба

марксизма противъ анархизма привела къ исключенію Бакунина изъ Интернационала на гаагскомъ конгрессѣ 1872 г.; послѣ этого однако распался и прекратилъ свое существованіе и самый Интернациональ.

Первый Интернациональ былъ слишкомъ революціонной и потому слишкомъ слабой организаціей, такъ какъ онъ не могъ опереться на мощныя національныя политическія организаціи. Слабость и нежизненность Перваго Интернационала проистекала прежде всего отъ неоднороднаго и пестраго его состава. Въ него входило слишкомъ много разнородныхъ элементовъ, чтобы они могли долго существовать рядомъ другъ съ другомъ. Здѣсь были и мирные англійскіе трэдъ-юнионисты, и нѣмецкіе демократы, и итальянскіе анархисты, и филантропы въ родѣ Ж. Симона, и французскіе и нѣмецкіе террористы и т. д. Естественно, столь неоднородный союзъ долженъ былъ кончиться распаденіемъ. Смертельной же блѣзною для Интернационала оказалось появленіе въ его средѣ крайнихъ теченій и анархизма. Именно анархизмъ внесъ въ Интернациональ начало разложенія.

Окончательный ударъ нанесла Интернационалу франко-прусская война 1870—1871 г., способствовавшая возникновенію въ Германіи наглаго, торжествующаго солдатскаго шовинизма, во Франціи—оскорбленнаго національнаго чувства. Въ то же время Интернациональ скомпрометировалъ себя тѣсной связью съ парижской Коммуной 1871 г., начавшейся подъ флагомъ Интернационала въ побѣжденной Франціи, въ присутствіи вторгнувшагося врага, гражданскую войну за идеи всемірной революціи. Интернациональ вмѣсто того, чтобы осудить Коммуну, издалъ манифестъ, гдѣ прославлялъ коммунаровъ, какъ мучениковъ за дѣло рабочаго класса. Это оказалось гибельнымъ для Интернационала. Охотниковъ итти подъ флагомъ идей парижской Коммуны нашлось немного; и хотя въ 1872 г. Бакунинъ и анархисты были исключены изъ Интернационала, дѣлу это не помогло, и Международная ассоціація вскорѣ умерла за отсутствіемъ сторонниковъ.

Вслѣдъ за окончательнымъ распадомъ Перваго Интернационала начинается въ теченіе 20 лѣтъ періодъ созданія въ отдѣльныхъ государствахъ национальныхъ социалистическихъ и демократическихъ партій, принимающихъ активное участіе въ политической жизни своей страны и стремящихся, опираясь на всеобщее избирательное право, вліять на внутреннюю и международную политику.

На этомъ уже болѣе солидномъ фундаментѣ въ 1889 году возникъ Второй Интернациональ (1889—1914). Второй Интернациональ продолжилъ дѣло перваго: установленіе тѣсной международной солидарности между отдѣльными национальными социалистическими движеніями. Въ нѣдрахъ его съ самаго начала возникла было прежняя вражда Маркса и Бакунина въ видѣ борьбы социаль-демократовъ съ анархистами. Анархисты нѣсколько разъ изгонялись изъ конгресса, но каждый разъ дѣлали новыя попытки туда проникнуть. Побѣда однако склонилась въ пользу социаль-демократовъ. Выработаны были строгія правила для права быть допущеннымъ на конгрессъ. На международные социалистическіе конгрессы рѣшено допускать лишь: 1) всѣ ассоціаціи, принимающія основные принципы социализма; социализацію средствъ производства и обмѣна, международное со-

глашение и интернациональное действие работников, социалистическое завладение государственной властью пролетариатом, организованным в партию класса: 2) корпоративные организации, стоящие на почве классовой борьбы и признающие необходимость политического, законодательного и *парламентарного* действия.

Постепенно международное общение отдельных социалистических организаций сложилось в прочную интернациональную организацию. Приняты определенные правила для допущения и порядка голосования на международных конгрессах. По постановлению международного социалистического бюро (в марте 1906 г.), голосование должно производиться на конгрессах поголовно. Однако, если потребуются три национальности, голосование производится по национальностям. Созданы постоянные исполнительные международные органы: международный секретариат и международное бюро.

Изгнавши из своей среды анархические элементы и опираясь на национальные политические партии (при чем по правилу только государственные союзы признаются национальными), Второй Интернационал был гораздо больше могущественной и жизненной организацией, чем Первый. В своих резолюциях Интернационал неизменно стоял на государственной точке зрения. Война, как заявил конгресс 1889 года, есть роковой результат существующих экономических условий, и потому она исчезнет окончательно лишь с исчезновением самого капиталистического строя, с эмансипацией труда и с международным торжеством социализма; однако, чтобы добиться этой цели, трудящийся класс должен раньше завоевать политическую власть. «Пролетарский класс один имеет желание и возможность осуществить вселенский мир; он требует: 1) уничтожения постоянных армий и всеобщего вооружения народа; 2) установления третейского трибунала, обязанного мирно и безапелляционно регулировать международные конфликты; 3) окончательное решение о войне и мире должно принадлежать народу в тех случаях, если бы правительство не приняло третейского постановления; 4) пролетарский класс протестует против системы тайных договоров. Но пролетарии в этой, как и во всякой другой, сфере не могут достигнуть своей цели иначе, как *завоевавши господствующее влияние на законодательство* и присоединившись к международному социализму, единственному, который может обеспечить мир и привести к истинному братству народов».

Анархисты и антигосударственно настроенные социалисты, извергнутые из Интернационала, не раз пытались создать свой собственный Интернационал, но из этих попыток ничего не вышло.

Второй Интернационал, все более крепнувший и развивавшийся, потерпел неожиданное крушение в 1914 году, в момент объявления Германией войны России и Франции, благодаря изменению германских социаль-демократов, одобрявших захватную и агрессивную политику германского юнкерского правительства, голосовавших военные кредиты и приложивших руку ко всем гнусным актам германского правительства, в роде вторжения в Бельгию и нарушения его нейтралитета. В данном случае они отразили лишь настроение большинства германских рабочих, заинтересованных в чрезвычайно раз-

вившейся германской военной промышленности и, следовательно, в успехе империалистической политики Германии. Социалистам союзных стран, подвергшихся нападению, ничего не оставалось делать, как стать на оборонческую точку зрения, прервать всякие сношения с германскими социалистами и войти в блок со всеми остальными национальными партиями, для создания национального единства, настолько необходимого для успешной борьбы против германской гегемонии.

В феврале 1915 года в Лондоне была созвана конференция союзных социалистов. Этой конференцией провозглашена была необходимость борьбы с Германией, по вине которой начата война. Любопытная деталь: на этой конференции представитель крайней левой английской социализма Рамсей Макдональд, тот самый которого не хотели пропустить в Стокгольм английские моряки, как представляющего лишь ничтожную часть английского рабочего мнения, предложил следующую резолюцию: «вторжение в Бельгию и Францию германских армий грозит существованию независимых народов, разрушает веру в договоры, победа германского милитаризма была бы поражением и уничтожением свободы и демократии в Европе».

Во время войны, когда прекратил свое существование Второй Интернационал, анархическими элементами социализма, имевшими успех главным образом в русских эмигрантских кругах, живших в немецкой Швейцарии, сделана была попытка создать новый Интернационал. Для этого созваны были в Швейцарии конференции осенью 1915 г. в Циммервальде и в апреле 1916 г. в Кинталфе. В созыве этих конференций главную роль сыграли русские большевики и немецкие социаль-демократы.

Основные идеи циммервальдского интернационализма имеют анархический характер. «Настоящая война есть война империалистическая; прекратить ее должно, превративши в войну гражданскую; в каждой из воюющих стран рабочий класс должен воздвигнуть против капиталистов и произвести революцию; никакое соглашение с «буржуазными» партиями, никакой гражданский мир не допустимы; оборончество есть тот же шовинизм». Такой призыв к революции и к гражданской войне мог еще иметь какое-нибудь демократическое оправдание в России до революции, иметь смысл в настоящее время в Пруссии и в Австрии, где нет всеобщего избирательного права и парламентной системы; но он совершенно антидемократичен и анархичен в отношении передовых демократий Франции, Англии, Америки и Италии, т. е. там, где политической строй есть организованный народ, где правительство демократическое правильно отражает общую волю всего народа. Призыв к гражданской войне, к возмущению ничтожного меньшинства в этих странах равносильно возмущению против общей воли народа.

Кроме большевистского анархизма в циммервальдском анархизме есть еще добрая доля германской агентурной работы. Германские социалисты, оставаясь спокойными и ревностными патриотами у себя дома, настойчиво просящими не вмешиваться в их внутреннюю дела, с большим воодушевлением поддерживают идею гражданской войны в воюющих с ними странах. Известна провокатор-

ская история съ швейцарскимъ социализмомъ, предсѣдателемъ циммервальдской конференціи Робертомъ Гриммомъ, прѣхавшимъ съ благословенія германскихъ «товарищей» и германскаго канцлера Бетмана-Гольвега въ Россію, гдѣ онъ, въ обществѣ Ленина, Бронштейна (Троцкаго), Цадербаума (Мартова) и др. русскихъ предателей, въ теченіе цѣлаго мѣсяца велъ въ Петроградѣ и Кронштадтѣ пропаганду на нѣмецкомъ языкѣ гражданской войны и сепаратнаго мира Россіи съ Германіей.

Нѣтъ сомнѣнія, послѣ войны такъ или иначе Интернаціональ возродится, такъ какъ онъ требуетъ самой экономической обстановкой нынѣшняго міроваго хозяйства, но, конечно, основанія, на которыхъ онъ возникнетъ, не будутъ тѣми анархо-провокаціонными идеями, которыя положены въ основаніи циммервальдскаго и кинтальскаго интернаціонализма.

А. Пойминовъ.

ВЪ ГОРНЫХЪ ТРУЩОБАХЪ.

Первый очеркъ.

I.

Поздній вечеръ октябрьскаго дня.

Одѣтые по походному и обвѣшанные всѣми походными вещами, мы сидимъ и лежимъ на голыхъ нарахъ нашей офицерской землянки. Она строилась такъ же, какъ строились и солдатскія землянки. Такъ же рубились вверху на горѣ деревья, скатывались внизъ. Такъ же рубился срубъ и пазы затыкались мхомъ, такъ же сверху накатывались бревна и засыпались землей, но у солдатъ землянки низкія и безъ печей и спятъ солдаты на голой покрытой вѣтвями землѣ, а у насъ настолько высоко, что можно ходить, не наклоняя головы, у насъ есть печь и выстроены нары и все это дѣлаетъ нашу землянку дворцомъ по сравненію съ дымными солдатскими «дырами».

Мы сидимъ угрюмые и молчаливые, а бывали вечера, когда здѣсь было шумно и весело. Приходило много офицеровъ изъ другихъ баталіоновъ, открывалась азартная картежная игра, не прекращались циничные анекдоты и шутки и не смолкалъ здоровый, беззаботный смѣхъ. Услужливые вѣстовые не уставали подавать мутный чай, табачный дымъ густымъ, сизымъ туманомъ стоялъ въ землянкѣ, трещала и пылала печь и горѣла парафиновая свѣча. Было тепло, шумно и уютно. Эти длинныя вечера вспоминаются, какъ сонъ. Черезъ часъ, черезъ полчаса, насъ позовутъ и мы пойдемъ съ насиженнаго бивака, изъ теплой землянки въ глубь горныхъ цѣпей, разбредемся по трущобамъ, по ущельямъ на труды и невзгоды боевой жизни, и кому-то суждено не быть съ нами, когда мы вновь сойдемся.

Мы сидимъ молча, каждый со своими печальными думами, но вѣдь думы у cadaго однѣ и тѣ же: грядущіе дни встаютъ таинственные, неразгаданные и жуткіе, страшатъ горы своимъ грознымъ и суровымъ величіемъ, минувшіе бои всплываютъ кровавыми картинами и длинными вереницами погибшихъ товарищей. И все это такое скорбное, такое унылое, безутѣшное.

Но гдѣ-то далеко, далеко, на самомъ днѣ тяжелыхъ могильныхъ думъ, искрится и ширится прекрасное видѣніе, улыбается и манитъ волшебное ма-

рево, словно улыбается и манитъ любимая женщина и отъ этой улыбки больно и сладко дрожить что-то внутри.

Волнующій призракъ—прошлая жизнь, далекая и желанная, съ звонкимъ дѣвичьемъ смѣхомъ, съ раздольемъ зеленыхъ полей. Мнѣ страшно вглядываться въ этотъ призракъ, но волны воспоминаній окутали всего. Ужъ я не вижу ни землянки, ни сѣрыхъ фигуръ. Грезы о прошломъ унесли далеко и только чувствуе, какъ все больнѣй и больнѣй сжимается сердце.

Очнулся. Все то же. Сидятъ на нарахъ молчаливые соратники, и отъ нихъ, отъ парафиноваго, маленькаго огарка на краешкѣ стола, дрожатъ на грубыхъ сучковатыхъ стѣнахъ черныя тѣни.

Чья-то невидимая рука стала поднимать вверхъ полотношца палатки, которымъ была завѣшана дверь и просунулась голова въ потрепаной и сбившейся фуражкѣ:

— Его высокоблагородіе проситъ гг. офицеровъ къ себѣ, ваше благородіе.

Затолпились у выхода.

Въ маленькой и аккуратной избушкѣ баталіоннаго жарко и тѣсно. За сучковатымъ и шатающимся, покрытымъ картой, столомъ по срединѣ, сидитъ баталіонный и встрѣчаетъ насъ:

— Здравствуйте, господа. Уходимъ. Да. Нашъ баталіонъ уходитъ.

— Мы уже давно знаемъ объ этомъ.

— Присаживайтесь, пожалуйста.

— Наступать будемъ?

— Вѣроятно!

Голось у капитана срывается и глаза глядятъ виновато.

— Я сейчасъ отъ командира полка. Присаживайтесь.

Но сѣсть некуда и мы стоимъ сплошнымъ сѣрымъ кольцомъ вокругъ капитана и столика съ картой.

Баталіонный новый, только что прѣхавшій въ полкъ. Я съ интересомъ вглядываюсь въ его тучную фигуру, въ пухлое, съ нависшими щеками, въ которыхъ тонуть маленькіе умные глаза, лицо. На немъ нескладно сшитая шинель и кожаная блиномъ фуражка. И весь онъ, какъ блинъ, толстый, пухлый, нескладный.

Тонкимъ, бабьимъ голосомъ, растягивая и пѣвуче, баталіонный читаетъ приказъ. Выслушиваемъ и долго обсуждаемъ. Есть много вопросовъ, не выясненныхъ, много мелочей, очень важныхъ на дѣлѣ, совершенно не затронутыхъ.

Когда все стало ясно, рѣшено было двигаться.

Вышелъ изъ избы. Въ вискахъ стучитъ и лицо мокро отъ пота.

Снялъ фуражку, распахнулъ шинель и сѣлъ на лавочку, съ наслажденіемъ подставляя разгоряченное лицо подъ холодный ночной вѣтеръ.

Я смотрю на горы, на синій лѣсъ, на рѣчку внизу, на золотую плеяду бивачныхъ огней. Каждый день много, много разъ смотрѣлъ на эту цѣпь убѣгающихъ горъ и уже давно стоятъ свѣтлыя, лунныя ночи, но сейчасъ я смотрю на примелькавшійся, до мельчайшихъ подробностей знакомый, пейзажъ съ какимъ-то новымъ чувствомъ, съ какимъ-то страннымъ интересомъ, въ какомъ-то мучительномъ и сладкомъ упоеніи.

Такъ всегда бываетъ, когда впереди жуткая и волнующая неизвѣстность. Передъ ликомъ грядущ-

щей смерти наполняет душу странное и невѣданное. Вскипаетъ въ душѣ безумная жажда жизни. Эту жизнь, которую отнимаютъ отъ тебя, ты вдругъ начинаешь любить ненасытной любовью. Весь миръ, въ которомъ раньше и жилъ и не жилъ столько сѣрыхъ, скучныхъ лѣтъ, вдругъ озаряется какимъ-то сказочнымъ свѣтомъ и то, мимо чего раньше проходилъ равнодушный, теперь неотразимо влечетъ.

И на весь этотъ сѣрый, примелькавшийся Божій миръ, который скоро, быть можетъ, перестанетъ для тебя существовать, начинаешь смотрѣть горящими, ненасытными глазами. Хочется все обнять воспрянувшимъ чувствомъ. Хочется каждый моментъ превратить въ вѣчность, хочется жить, жить и жить...

Ночь лунная и вѣтренная. По чистому, бархатно-синему небу, вѣтеръ гонитъ тяжелыя, рѣдкія облака. Когда облако своей тяжелой массой наползаетъ на золотой сверкающій дискъ луны, горы покрываютъ густой, глубокой мракомъ. Но лишь только вновь проглянетъ луна, вырвавшись изъ-за густой облачной завѣсы, все озаряется необыкновенно яркимъ, какимъ-то голубоватымъ, словно искусственнымъ свѣтомъ. И въ этомъ голубоватомъ лунномъ свѣтѣ, тяжелыя горы вдругъ дѣлаются прекрасными, дымчатыми, легкими и рѣзко вырисовываются своими синими рѣзными вершинами на небѣ.

Вправо и влѣво по скату горы глухой, таежный лѣсъ. Впереди за рѣчкой тоже покрытая лѣсомъ, убѣгающая высоко въ небо гора, а за ней другія горы,—цѣлый рядъ лѣсистыхъ горъ.

Внизу, подъ ногами, бурлитъ и прыгаетъ по сѣрымъ, теперь невидимымъ камнямъ горная рѣчка, брызжетъ пѣной и наполняетъ и лѣсъ, и горы однообразнымъ, мертвымъ шумомъ. По обоимъ берегамъ ея вправо и влѣво сверкаютъ сотни бивачныхъ огней и бросаютъ на огромныя, неподвижныя ели, багряные огнѣвѣты.

Мнѣ холодно. Я застегиваю шинель и по крутой, скользкой тропинкѣ, начинаю подниматься вверхъ къ тому мѣсту, гдѣ расположена рота.

Тамъ нѣтъ ни обычнаго оживленія, ни обычныхъ шѣсенъ. Вокругъ угасающихъ костровъ сидятъ снаряженные, одѣтые по походному, люди и спокойно, и задумчиво смотрятъ на огонь. Кой-кто спитъ, кой-кто ведетъ тихую, негромкую бесѣду.

Здѣсь та же атмосфера серьезности и задушевности.

— Что приуныли, ребята? Полно унывать! Никто какъ Богъ. Готовы что-ль? Выходи на дорогу!

Все такъ же молчаливо и равнодушно поднимаются люди и по крутой, скользкой тропѣ спускаются внизъ, къ дорогѣ, къ землянкѣ баталюннаго.

Все готово. Командиръ стоитъ у входа въ свою землянку и отдаетъ послѣднія распоряженія. Внизу на дорогѣ густыми толпами кучатся роты. Какъ-то сразу исчезло уныніе и толпа солдатъ шумитъ, гуторитъ и ругается. Золотыми веселыми огоньками сверкаютъ сигарки.

Я уже въ сѣдлѣ. Я усаживаюсь плотно и прикасаюсь шпорами къ поджарымъ бокамъ лошади. Лошадь нервничаетъ, переступаетъ съ ноги на ногу и все старается укусить другую, которую держитъ около въ поводу конюхъ.

— Григоричъ, ты сзади поѣзжай, кнутикомъ подгоняй, кто тамъ отстанетъ—кричи мнѣ черезъ головы Федоръ Федоровичъ.

— Съ Богомъ!

Заволновался, заколыхался баталюнь и, вытягиваясь узкой длинной лентой, потащился по непролазно-грязной, невѣроятно-разбитой дорогѣ.

Долго тащились мимо огромнаго и шумнаго бивака полка.

Дымные и трескучіе костры на горѣ, на багряномъ фонѣ которыхъ мелькали и копошились черныя фигуры солдатъ, заливали разбитую дорогу и утопающихъ въ грязи подъ тяжелыми вещевыми мѣшками солдатъ, кровавымъ свѣтомъ и отражались пляшущими, красными языками въ большихъ испуганныхъ глазахъ Зазнобы.

Мнѣ хочется сдѣлать что-то необыкновенно хорошее и пріятное моей любимой Зазнобѣ. Я наклоняюсь, обхватываю руками ея крѣпкую и складную шею и зарываю лицо въ ея волнистую гриву. Но Зазноба не принимаетъ моихъ ласкъ и мотааетъ головой.

Почему мнѣ такъ радостно и беззаботно весело? Кипитъ во мнѣ радость жизни, бездна нерастраченныхъ силъ. Суровыя горы уже не страшатъ, не пугаютъ. Онѣ просто манятъ, чаруютъ своей волшебной, неразгаданной тайной. Я хочу, чтобъ еще суровѣе были горы, я хочу чтобъ еще безысходнѣе была доля. Я жить хочу. Эхъ. Прости, Зазноба, что я совсѣмъ напрасно дѣлаю тебѣ такъ больно своими шпорами. Жиль, что впереди и сзади тяжело двигающіяся толпы людей, слѣва проваль, а справа гора. А то пустилъ бы тебя на всю прыть твоихъ рѣзвыхъ ногъ, чтобъ звенѣло и пѣло въ ухахъ, чтобъ мелькали въ глазахъ придорожные кусты...

Миновали бивакъ полка и костры обозовъ, перешли рѣчку и по скользкой бревенчатой гати стали подниматься въ горы. До глубокой ночи не кончался тяжелый и трудный подъемъ. Шли, останавливались, отдыхали, снова шли, а горѣ все не видно было конца. Луна все такъ же то пряталась за густую массу облаковъ, то заливала горы голубоватымъ свѣтомъ.

Въ голубоватой дымкѣ тонули горы и горные провалы и только по еле мерцающимъ подъ ногами огнямъ костровъ можно было догадаться, на какую огромную высоту мы поднимаемся.

II.

Дорога изъ дремучаго лѣса выходитъ на большую и чистую поляну. На опушкѣ землянки и шалаши и лазаретныя линейки. Вѣроятно, это перевязочный пунктъ одного изъ полковъ.

Подъѣзжаетъ проводникъ гусаръ:

— Отсюда вамъ, ваше благородіе, направо, намъ прямо. Вамъ придется пулеметныя двуколки ожидать. Дальше на колесахъ нельзя—дороги нѣтъ. Придется пулеметъ и патроны на рукахъ тащить.

— А, проводникъ?

— Такъ точно, высланъ!

— На колесахъ, говоришь, нельзя, а верхомъ?

— Днемъ до рѣчки можно, ночью нельзя.

Ноги чистыя и сухія. Въ мягкомъ казацкомъ сѣдлѣ такъ покойно сидѣть, но дѣлать нечего. Слѣзая и отдаю лошадь конюху. Отвели роты въ сторону, положили на клокистую мокрую траву отдыхать. Другія роты проходили дальше.

Прощались, напутствовали другъ-друга добрыми пожеланіями.

Холодно. Вѣтеръ окрѣпъ и наверху онъ такой ледяной и пронизывающій. Пробивается до самаго тѣла и заставляетъ трястись отъ холода. Кутаюсь въ бурку,

но ноги не спрячешь въ бурку и онѣ цѣпенѣють на холодѣ. Когда пришли отставшія пулеметныя двуколки и пулеметъ и ленты были сняты и взяты солдатами—двинулись дальше. Прошли широкую поляну и снова въ дремучій, таежный лѣсъ. Но дороги уже нѣтъ, а только тропа проторенная по неѣзженному, нехоженному лѣсу. Тропа идетъ круто внизъ. Спускъ иногда на столько крутъ, что приходится хвататься за деревья, за вѣтви, даже за землю, чтобъ не летѣть внизъ. Иногда могучія поваленныя бурей деревья пересѣкають тропу и тогда приходится или перелѣзать или подлѣзать или обходить, пробираться черезъ гущу колючихъ вѣтвей, царапать руки, лицо и бѣжать дальше, чтобъ не отстать отъ впереди идущихъ солдатъ.

Препятствія на каждомъ шагу и передъ каждымъ препятствіемъ—остановка. Люди поодиночкѣ обходятъ какой-нибудь камень, перелѣзають черезъ дерево, переправляются по жердочкѣ черезъ ручей. Передніе уходятъ далеко впередъ за проводникомъ, а задніе отстають, потомъ бѣгутъ, стараясь не потерять переднихъ въ густой темнотѣ лѣса.

Такъ шли, не знаю сколько. Можетъ быть совсѣмъ не долго, но казалось, что шли цѣлую вѣчность. Исчезло представление о времени и о мѣстѣ. Ничего не было, кромѣ густой темноты таежнаго лѣса, колючихъ вѣтвей и одной заботы, одной пугающей мысли: какъ бы не отстать, какъ бы не потерять, какъ бы не оборваться въ чужомъ, нехоженномъ лѣсу.

Передніе остановились. Что впереди случилось—неизвѣстно, но только стоимъ и стоимъ на тропинкѣ другъ другу въ затылокъ. Вѣроятно это не камень, не дерево, а что-то другое, такъ какъ стоимъ очень долго.

Слышу какъ пробирается навстрѣчу фельдфебель и спрашиваетъ:

— Гдѣ полуротный?

Подходить.

— Ваше благородіе, оборвались.

— Какъ такъ!

— Первый взводъ и немного второго ушли съ проводникомъ, а мы отстали и не знаемъ куда итти. Стоимъ на тропѣ, но куда тропа идетъ неизвѣстно.

— Кричали?

— Такъ точно, кричали что есть мочи и впередъ ходили—нѣтъ никого. Заплутали. Эка оказія!

Я чувствую, какъ мнѣ вдругъ стало холоднѣе и тѣло сковала мелкая дрожь.

Идемъ съ фельдфебелемъ впередъ къ началу длинной безконечно длинной вереницѣ солдатъ. Въ самой головѣ колонны кучка человѣкъ въ пять, въ шесть. Трое нападаютъ на одного, якобы виновника всего происшедшаго. Этотъ послѣдній отругивается, доказывая, что виновать не онъ, что не онъ шелъ впереди, а другой.

Такъ или иначе, перебранка не приводитъ ни къ чему, а чтобъ помочь дѣлу нужно что-нибудь предпринимать.

Беру одного солдата и иду съ нимъ впередъ. Долго идемъ одни въ жуткой темнотѣ лѣса. Хватаемся за вѣтви, перепрыгиваемъ черезъ деревья, иногда утопаемъ по колѣна въ глинистой, засасывающей грязи.

Останавливаемся. Тропинка все та же и ясно видна, и не уходитъ тропинка ни вправо, ни влѣво, но основаній къ увѣренности, что стоимъ на той самой тропѣ, по которой нужно итти, нѣтъ никакихъ.

Зажигаю электрической фонарикъ, хочу разсмотрѣть слѣды на тропѣ, но фонарикъ догораетъ и слабо свѣтитъ и мнѣ кажется, что слѣды не свѣжіе, давніе.

Что дѣлать?

Жутко въ лѣсу. Вѣтеръ гуляетъ по горамъ, качаетъ вершинами могучихъ елей, реветъ и воетъ въ горныхъ провалахъ. Скрипятъ въ лѣсу огромныя старыя деревья. Грозныя шумы гудятъ. Луна то заливаетъ лѣсъ фосфорическимъ свѣтомъ, то скроется за черными тучами. Гдѣ-то немолчно шумитъ ручей. Иногда край неба направо блѣднѣетъ и колеблется. Это отсвѣты далекихъ ракетъ.

Тѣмъ же порядкомъ, съ тѣми же препятствіями и съ утроенной медленностью начинаемъ подниматься вверхъ къ тому мѣсту, гдѣ оставили роту.

Собираю остатки роты въ одно мѣсто. Ставлю часовыхъ. Зажигаю еле свѣтящійся фонарь и пишу баталіонному донесеніе. Пишу, что прапорщикъ съ частью роты и проводникомъ ушелъ впередъ, что я съ тремя взводами остался, отсталъ, сбился съ пути, не знаю куда итти, прошу выслать новыхъ проводниковъ. Выбираю надежныхъ людей, вѣлю имъ вернуться, розыскать командира, передать ему пакетъ.

Уходятъ.

Утомившіеся люди легли на сырой мохъ и спятъ мертвымъ сномъ. Только около меня кольцомъ тѣснится кучка людей. Тихо разговаривають.

Я стою, опершись на стволъ толстой ели, прислушиваясь къ тому, о чемъ идетъ рѣчь. Старикъ-санитаръ, сибирскій поселенецъ, говоритъ, что «хоша» у нихъ и такіе же таежные лѣса, но горъ нѣтъ и въ лѣсу всякой «живности» видимо-невидимо:

— Бѣлка тебѣ, соболь, медвѣдь, птица всякая, глухарь,—а тутъ, Господи ты Боже мой, могила.

И еще о чемъ-то подобномъ оповѣщаетъ слушателей словоохотливый старикъ, но я уже не слушаю его.

Я слушаю, какъ скрипятъ великаны ели, какъ шумитъ старый, таежный лѣсъ. Кажется, что не ели скрипятъ, а кто-то стонетъ, кто-то Живой стонетъ, такъ жалостливо, такъ скорбно, какъ будто кто-то обиженный и покинутый плачетъ о прекрасномъ и радостномъ, кто-то зарытый глубоко, стонетъ о солнцѣ и счастьѣ.

Шумитъ старый лѣсъ и въ его немолчномъ шумѣ, я слышу какіе-то невѣдомые, какіе-то могучіе, вѣчные голоса. Какая-то незримая, великая правда звучитъ въ этомъ торжественномъ и грозномъ шумѣ.

«И такъ всегда шумѣлъ и такъ всегда будетъ шумѣть. Старыя огромныя деревья, и живъ свой длинный вѣкъ, огромными трупами будутъ ложиться на влажный мохъ, поперекъ таежной тропы, а молодыя и стройныя, будутъ подниматься все изъ того же мха и расти и крѣпнуть. И одни будутъ гнить, другія будутъ расти. Одни будутъ приходить, другія будутъ уходить, а лѣсъ все будетъ шумѣть и шумѣть, своими немолчными, непрекращающимися шумами, то грозными и стихійными, то спокойными и радостными, какъ будто никогда не бываетъ того, что одни приходятъ, а другіе уходятъ. Все шумѣть и шумѣть»...

Я слушаю, какъ говоритъ все тотъ же старикъ санитаръ, своимъ задушевнымъ, стариковскимъ, однотоннымъ голосомъ.

— И за что борются, изъ-за чего дерутся, за что кровь человѣческую льютъ. Изъ-за лѣса дремучаго, гдѣ человѣкъ отъ роду не ходилъ, гдѣ птица не летаетъ, звѣрь не рыщетъ. Изъ-за скалъ голыхъ. И все

смерть, и все смерть. Двѣ недѣли тому назадъ пошли мы на позиціи. Вотъ такъ же. Сто насъ тридцать три было въ ротѣ, а сейчасъ здѣсь изъ нихъ, почитай, человекъ двадцать не болѣ. Гдѣ остальные? У шоссе однимъ тяжелымъ пятерыхъ сразу засыпало. Такъ и не откапывали. Только крестикъ сверху поставили.

И опершись на винтовку, слушаетъ его молодой и безусый, въ послѣднемъ пополнении прибывшій въ полкъ, съ нѣжнымъ, юношескимъ лицомъ. Я стараюсь припомнить фамилію этого молодого, но не могу.

А лѣсъ все шумитъ и шумитъ и жалобнымъ стономъ стонуть, скрипятъ старыя ели.

— Вы, ваше благородіе, безъ шинели. Вамъ холодно. Вы бы надѣли бурку да соснули.

— И то правда. Давай!

У ствола большого поваленнаго дерева нашель удобное мѣсто. Раскинулъ бурку, легъ, завернулся съ головой. Пріятная теплота ласковыми волнами согрѣла озябшее тѣло, вѣки отяжелѣли и стали окутывать сонъ. Лѣсъ, глухая тропа, проводникъ, фельдфебель—все вдругъ стало уходить, а въ дремлющій, засыпающій умъ стало входить другое, далекое, радостное. Но одно еще не ушло, а другое уже пришло. Все перемѣшалось и въ теперешнемъ было прошлое и въ настоящемъ далекое.

«Какъ странно... Гдѣ я?... Одинъ въ лѣсу съ солдатами... Заплутался... Капитанъ вѣроятно уже пришелъ въ свою землянку, сидитъ по-турецки передъ очагомъ, такой толстый и круглый, а Василий чай готовить... А дома опять не думаютъ, что я здѣсь въ лѣсу, въ горахъ, одинъ съ солдатами, заплутался... въ гостиной надъ круглымъ столомъ лампа горитъ и всѣ спятъ... И въ землячествѣ всѣ спятъ... И всѣ спятъ и обо мнѣ никто не думаетъ. А поручикъ Бактеровъ вчера все жалованье проигралъ... Какъ странно Я одинъ..., а лѣсъ-то какъ шумитъ».

И уже совсѣмъ засыпая, я слушаю, какъ шумитъ лѣсъ.

Шумитъ, шумитъ... Такъ глухо, такъ настойчиво. Да развѣ это лѣсъ шумитъ. Развѣ вы не слышите? Это не лѣсъ шумитъ, это шумитъ Волга, это шумитъ огромный волжскій пароходъ, какъ его... э... еще такое двойное названіе.

Онъ горитъ огнями. Онъ вздрагиваетъ мелкой дрожью въ своемъ неутомимомъ бѣгѣ и шумитъ, разсѣкая своимъ желѣзнымъ носомъ мутныя волны.

Я стою на передней площадкѣ палубы. Я одинъ. Кругомъ нѣтъ никого. Залитый свѣтомъ салонъ пернаго класса кидаетъ на воду слабыя отсвѣты, и мнѣ видно, какъ острымъ носомъ пароходъ разбрасываетъ вправо и влево мутную воду. Начало іюня. Волга во всей своей красѣ и силѣ. Свѣтъ изъ оконъ салона освѣщаетъ лишь площадку палубы, бѣлую сѣтку нериль и бѣлые столбики, подпирающие трапъ. Все остальное и Волга, и берега, все теряется въ пряной, дурманящей темнотѣ весенней ночи. Влажный пропитанный запахомъ цвѣтущей черемухи и зеленѣющихъ травъ, насыщенный рѣчной свѣжестью дуетъ мнѣ въ лицо вѣтеръ. Онъ развѣваетъ полы моего плаща, играетъ моими рѣсницами. Я стою въ какомъ-то упоительномъ оцѣпененіи, въ какомъ-то нѣмомъ восторгѣ. Я опьяненъ пьянымъ запахомъ дурманящей ночи, я всѣмъ своимъ существомъ чувствую, какъ несетъ меня красавецъ пароходъ къ далекимъ, мерцающимъ огнямъ, я вижу, какъ...».

Слышу сквозь сонъ, кто-то осторожно трясеть меня за плечо:

— Вашъ благородъ, вашъ благородъ!

Съ трудомъ открываю глаза и вижу близко около себя доброе, мужицкое лицо фельдфебеля:

— Новый проводникъ пришелъ. Радишенко привель!

Сонъ какъ рукой сняло.

— Буди роту!

Все та же глухая ночь стояла въ лѣсу. Все такъ же полная луна то заливала лѣсъ фосфорическимъ свѣтомъ, то пряталась за тучи и тогда густая тьма окутывала горы. Среди солдатъ различаю новую фигуру кавалериста. Очевидно, это и есть проводникъ. Разобрали пулеметныя ленты, цинки съ патронами и двинулись.

III.

Кончился спускъ—пошли ложиной.

Два раза перешли шумливую бурную горную рѣчку, прошли широкую поляну, всю забросанную огромными сѣрыми камнями и похожую на старое кладбище, и снова начался подъемъ.

Еще нехоженнѣе была тропа. Еще больше вязли ноги въ глубокой, засасывающей грязи, еще мучительнѣе приходилось царапать лицо и руки колючими иглами, продираясь въ густыхъ заросляхъ молодого ельника.

Уже не было слышно ни шутокъ, ни разговоровъ. Всѣ идутъ молчаливыми, сѣрыми тѣнями, тяжело и устало ступая въ вязкій мохъ, хватаясь за вѣтви, чтобъ не свалиться обратно въ ущелье подъ тяжестью набитаго мѣшка. Со страхомъ замѣчаю, какъ быстро устаютъ люди, какъ все медленнѣе и медленнѣе подвигаются впередъ, какъ все съ большими и большими трудами вытаскиваютъ ноги изъ густой грязи, а тѣ, что тащатъ кладь, устаютъ еще быстрѣе.

Необходимо торопиться. Ночь быстро уходитъ, каждая сажень подъема стоитъ невѣроятныхъ трудовъ, мы лѣземъ вверхъ по вершкѣ, а приказано во что бы то ни стало смѣнить гусаръ до разсвѣта. Всѣми своими окриками и понуканіями я достигаю лишь того, что люди не останавливаются, а все лѣзутъ и лѣзутъ въ гору. Когда все мое вліяніе беспомощно передъ невѣроятной усталостью солдатъ, когда всѣ мои окрики перестаютъ дѣйствовать на нихъ, они валяются на сырой мохъ, въ жидкую грязь и лежатъ такъ долго, пока не отойдутъ онѣмѣвшія ноги.

... А я изступленно кричалъ потому, что уже не вѣрилъ ни себѣ, ни своимъ словамъ, ни тому, что можно дойти до мѣста къ разсвѣту. Кричалъ на солдатъ, а не на нихъ кипѣла злоба, а на что-то другое, стихійное и кошмарное, что заставляетъ переживать весь этотъ ужасъ, что навалилось на всѣхъ и душилъ, и давить.

И чѣмъ меньше вѣрилъ себѣ, тѣмъ изступленнѣе кричалъ и лжива была моя брань и лживы были слова, которыми я клеймилъ измученныхъ солдатъ, потому что нельзя требовать отъ человѣка больше, чѣмъ дано ему отъ природы...

Мнѣ было ясно, что наступить такой моментъ, когда люди откажутся двигаться дальше, когда и крики и брань—все будетъ бессильно. Я ждалъ этого момента и боялся его. Но онъ наступилъ.

Это было всего за какую-нибудь версту до цѣли нашего путешествія, на одной изъ высотъ, гдѣ огромныя гранитныя глыбы громоздились, какъ будто брошенная рукой сказочнаго богатыря. Межъ глыбами росли рѣдкія ели, но верхушки ихъ были сухи и

поломаны бурей и онъ стояли, засохшія и голыя, и было похоже на то, какъ будто здѣсь давно когда-то свирѣпствовалъ артиллерійскій ураганъ и снаряды посрывали вершины елей.

Измученные солдаты падали на камни, не двигались и не шевелились. Я понялъ, что дальше двигаться нельзя и приказалъ лечь всѣмъ.

Сто человѣкъ сѣрыми трупами легло на камни и ихъ сѣрыхъ трудно было различить отъ сѣраго фона камней. Словно не было ни души на заброшенной глыбами горѣ. Лежали какъ мертвые и только по тому, какъ храпѣли нѣкоторые, можно было догадаться, что это не мертвое поле, а всего лишь измученное непосильнымъ переходомъ христоролюбивое воинство.

Я тоже усталъ, хотя и меньше другихъ, и легъ у одной изъ глыбъ сѣраго камня, но уснуть не могъ долго.

Быстро свѣтало. Было мертвенно тихо и густой, клочкастый туманъ ползъ, тянулся по мертвой горѣ. Этотъ туманъ—облако. Оно то закрывало все густой, молочной пеленой, въ которой тонули всѣ ближние камни и деревья, то рѣдѣло, и тогда выплывали изъ бѣлесой мглы, словно сказочныя причудливыя скалы и странныя деревья. И не было ничего, кромѣ мертвыхъ деревьевъ, сѣрыхъ камней и густого, все закрывающаго тумана. И было мертвенно тихо, какъ въ сказочномъ, заколдованномъ царствѣ. Глянулъ на одного изъ своихъ солдатъ, который лежалъ подлѣ меня на камнѣ, у котораго было такое простое, доброе, во снѣ улыбающееся лицо, обросшее густой курчавой бородой, а на ногахъ совершенно растрепанные, ни на что не похожіе сапоги, и острая, нестерпимо жгучая боль сдавила грудь.

Гдѣ-то далеко бахнуло орудіе и слышно, какъ, нагнетая воздухъ, все ближе и ближе приближался снарядъ и ударилъ гдѣ-то недалеко въ лѣсу, потрясая громомъ мертвую тишь заколдованныхъ горъ.

Прапорщикъ Г. Г. Ушаковъ.

ВЪ ЗАЩИТУ СОЦІАЛИЗМА.

1.

Торжествуетъ ли въ Россіи соціализмъ? По внѣшности—да. Повсюду въ народныхъ массахъ побѣда остается за соціалистическими лозунгами. Миръ не видѣлъ еще такого разлива соціализма. Можетъ показаться, что Россія изъ абсолютной, династической монархіи мгновенно превратилась въ соціалистическую республику. Крестьянство, которое въ темнотѣ своей поддерживало царизмъ и дѣлало его «народнымъ», теперь идетъ за лозунгами «земли и воли», армія, которая привыкла покорно разстрѣливать народъ, требуетъ теперь полной автономіи не только для каждой отдѣльной части, но и для каждого отдѣльнаго солдата. Самые сѣрые обыватели, мѣщане, городская прислуга, всѣ тѣ, которые своимъ политическимъ индифферентизмомъ и неразвитостью поддерживали старый строй, сочувствуютъ крайнимъ соціалистическимъ партіямъ. Вчерашніе черносотенники сдѣлались большевиками. Партія народной свободы признана самой правой и самой «буржуазной», такъ какъ

никто не имѣетъ смѣлости образовать партію болѣе правой. Остается такое впечатлѣніе, что вся Россія, еще совсѣмъ недавно покорная рабству и стонавшая подъ гнетомъ деспотизма, сдѣлалась до крайности лѣвой, революціонной, соціалистической. Казалось бы, никакія силы не задерживаютъ стремительнаго движенія Россіи къ царству соціализма. И все-таки невѣрно, что соціализмъ торжествуетъ въ Россіи, что торжество это идетъ вглубь и что самый соціализмъ этотъ—подлинный. Вѣдь сама психика народныхъ массъ, складъ ихъ мышленія, нравственный ихъ характеръ очень мало измѣнились. Въ душѣ народной соціализмъ не только не восторжествовалъ, но и почти не затронулъ душу. Солдаты, крестьяне, рабочіе, промежуточные демократическіе слои, въ огромной массѣ своей совсѣмъ не понимаютъ, что такое соціализмъ. Крестьяне знаютъ, что имъ жилось плохо и что имъ нужна земля. Рабочіе знаютъ, что ихъ угнетали и что имъ нужно уменьшеніе рабочаго дня, увеличеніе заработной платы и т. п. элементарная блага. Но такая «интеллигентская» и «образованная» выдумка, какъ соціализмъ, совершенно чужда крестьянамъ и слишкомъ мало еще понятна средней массѣ рабочихъ. Слово же соціализмъ скрѣпляется съ насущными, элементарными, самыми близкими нуждами трудящихся массъ и потому они сейчасъ живутъ подъ его обаяніемъ. Соціализмъ принимается инстинктивно и понимается, какъ частное, личное удовлетвореніе нуждъ и потребностей каждаго трудящагося человѣка изъ народа. Господствуетъ не публично-правовое, а частно-правовое пониманіе соціализма. Сама идея соціализма не только не торжествуетъ, но и никакъ не воспринимается, она—слишкомъ сложная, предполагаетъ большую сознательность и требуетъ жертвъ частнымъ во имя цѣлаго. Солдаты, крестьянине, рабочіи думаютъ, что соціализмъ принесетъ непосредственное благо ему самому, сейчасъ же уменьшить его горькую нужду. И демагоги, желающіе перетянуть массу на свою сторону, безсовѣстно пользуются этой темной тягой къ соціализму. И получается фиктивное торжество соціализма, за которымъ можетъ скрываться его идейное пораженіе. Соціализмъ есть сейчасъ лишь русскій способъ дѣлать политическую и бытовую революцію.

Передъ выборами въ Московскую Думу было выставлено семь партійныхъ списковъ. И сразу же почувствовалось, что два номера затерто и никакого успѣха имѣть не будетъ. Это—партія народныхъ соціалистовъ и соціаль-демократическая группа Единства. И тотъ и другой номеръ объявлены не соціалистическими. Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ призываетъ голосовать за №№ 3, 4 и 5, т. е. за соціалистовъ-революционеровъ, за объединенныхъ соціаль-демократовъ съ меньшевиками во главѣ и за соціаль-демократовъ большевиковъ. №№ же 2 и 6 были признаны не заслуживающими поддержки. Это очень характерное явленіе. Пораженіе списковъ № 2 и № 6 есть въ сущности пораженіе традиціоннаго соціализма русской интеллигенціи, пораженіе въ стихіи революціи и истребленіе стихіей революціи двухъ признанныхъ идейныхъ вождей нашей революціонной интеллигенціи—Н. К. Михайловскаго и Г. В. Плеханова. Народные соціалисты это и есть наиболѣе чистые и идейные соціалисты народническаго толка, примыкающіе къ «Русскому Богатству», традицион-

ному органу русскаго народничества, т.-е. по идейному своему происхождению восходяще къ Н. К. Михайловскому и «Отечественнымъ Запискамъ». Они болѣе чистые выразители русскаго народническаго социализма, чѣмъ социалисты-революционеры. Социалисты-революционеры, хотя и проникаются сейчасъ государственнымъ смысломъ и имѣютъ въ средѣ своей такихъ людей, какъ А. Ф. Керенскій, все же слишкомъ демагоги, социализмъ ихъ обращенъ къ непроедѣннымъ инстинктамъ массъ, они сами мало вѣрятъ въ близкую и реальную осуществимость тѣхъ лозунговъ, которыми хотятъ плѣнить массы, напр. лозунга безвозмезднаго отобрания всѣхъ частновладѣльческихъ земель. Социаль-демократы группы единства и есть настоящіе социаль-демократы въ европейскомъ смыслѣ этого слова, примыкающіе къ отцу и вождю русской социаль-демократіи Г. В. Плеханову. Они въ болѣе чистомъ видѣ выражаютъ социализмъ марксистскаго толка, чѣмъ меньшевики, не говоря уже о большевикахъ, которые окончательно забыли азбуку марксизма. Не только большевики, но и меньшевики—демагоги, они хотѣли использовать инстинкты массъ и въ самомъ началѣ провозгласили лозунгъ социальной революціи, въ которую сами не вѣрятъ и которая въ современныхъ русскихъ условіяхъ по ихъ ученію невозможна. Сейчасъ же меньшевики недостаточно рѣзко ограничиваютъ себя отъ большевиковъ, ихъ тактика двусмысленна и ихъ обезсиливаетъ недостатокъ нравственнаго мужества.

II.

Представители списка № 5, т.-е. большевики, совсѣмъ не могутъ быть признаны социалистами, они должны быть извергнуты изъ социалистической среды. И то, что совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ призываетъ голосовать за этотъ списокъ наравнѣ съ № 3 и 4, не имѣетъ никакихъ внутреннихъ оправданій. Но и представителей списковъ № 3 и 4 нельзя сейчасъ назвать социалистами по существу, хранящими и выражающими социалистическія идеи. Бѣда въ томъ, что до сихъ поръ, за эти четыре революціонныхъ мѣсяца и социалистовъ-революционеровъ, и социаль-демократовъ мало интересовало развитіе сознанія и просвѣщенія народныхъ массъ, крестьянъ и рабочихъ, они почти ничего не сдѣлали для положительной социально-экономической организаціи массъ. Такъ, напр., рабочіе союзы находятся у насъ въ загонѣ, для нихъ почти ничего не дѣлается и это грозитъ печальной участью рабочему классу. Сущность здраваго социализма—въ развитіи сознанія и организованности рабочихъ. Это—работа положительная, созидательная, образующая новую социальную ткань, а не отрицательная и разрушительная. Но русскихъ социалистовъ до сихъ поръ слишкомъ интересовало политическое использование массъ, обращеніе къ массовымъ инстинктамъ для форсированія революціи, т.-е. превращеніе народной темноты въ свое орудіе. Развивали и организовали революцію послѣ того какъ она произошла вмѣсто того, чтобы развивать и организовать социальную жизнь. У большевиковъ ничего другого и нѣтъ, для нихъ вполне подходятъ и черносотенники и имъ нужны погромные инстинкты массъ, они боятся просвѣщенія массъ, какъ боялась его власть стараго режима. Но и меньшевики, и социалисты-революционеры были не вполне свободны отъ извѣстной дозы большевизма, и только те-

перь начинаютъ отъ него освобождаться. Они не были выразителями той основной социалистической идеи, что всякое достиженіе въ социальной области зависитъ отъ уровня социального развитія и отъ социальной организованности рабочаго класса. Тактика ихъ заключалась въ томъ, чтобы какъ можно больше обѣщать массамъ, не сообразуясь съ ихъ сознательностью и организованностью. Слишкомъ злоупотребляли лестью массамъ и этимъ путемъ хотѣли приобрести силу, достигнуть легкой побѣды. Горькіе плоды этой тактики пожинались въ большевизмѣ и они испугали всѣхъ сколько-нибудь отвѣтственныхъ и честныхъ русскихъ социалистовъ. Большевизмъ далъ наглядный государственный урокъ русскому революціонному социализму и пробудилъ государственный смыслъ у социалистовъ-революционеровъ и социаль-демократовъ-меньшевиковъ. Лишь недостатокъ смѣлости и послѣдовательности привелъ къ тому, что они на городскихъ выборахъ предпочли списокъ № 5 спискамъ № 2 и 6.

Разсказываютъ фактъ, что московская прислуга рѣшила голосовать за списокъ № 4, и, когда ее спросили, почему бы ей не голосовать за списокъ № 2, то получился отвѣтъ: № 2—это социалисты, а мы знаемъ, кто такіе социалисты, и не хотимъ ихъ. Вотъ образецъ сознательности голосовавшей массы. И остается впечатлѣніе, что сознательность массъ мало интересуетъ русскихъ социалистовъ, не только № 5, но и № 4 и 3. Списокъ № 4 обратился къ прислугѣ съ воззваніемъ, изъ котораго слѣдуетъ, что эта партія особенно озабочена интересами городской прислуги и выражаетъ ихъ нужды. И это говорятъ чистые идеологи пролетаріата, которые причисляютъ къ крупной или мелкой буржуазіи всѣхъ кромѣ рабочихъ крупной промышленности, и всѣ свои надежды связываютъ съ особенной социалистической психикой этихъ рабочихъ! Списокъ № 3 обѣщаль прислугѣ землю и волю и внушалъ кухаркамъ и горничнымъ мысль, что земля будетъ получена въ результатѣ муниципальных выборовъ. Нечего и говорить о списокѣ № 5. За него, вѣроятно, голосовали всѣ черносотенники, погромщики, лица съ уголовнымъ прошлымъ или будущимъ и та масса солдатъ—большихъ дѣтей, которыхъ можетъ соблазнить любой агитаторъ-демагогъ. Большевики ужъ окончательно ничего общаго не имѣютъ съ идейнымъ социализмомъ, ихъ совершенно не интересуетъ сознательность и организованность рабочаго класса. Это—чистѣйшіе разрушители. Но къ сожалѣнію и социалисты-революционеры и социаль-демократы меньшевики до сихъ поръ были слишкомъ неразборчивы и равнодушны къ тому, что представляетъ изъ себя та масса, къ которой они обращаются, въ какомъ она находится умственномъ и нравственномъ состояніи. Вотъ почему нынѣ господствующія партіи въ значительной степени представляютъ фикціи и плодятъ недоразумѣнія. Настоящихъ партій съ реальной программой у насъ еще нѣтъ. Лозунги партій—совершенно условны, непонятны тѣмъ, къ кому обращены, не берутся въ серьезъ тѣми, которые ихъ провозглашаютъ. Такъ напр., какое реальное значеніе имѣетъ лозунгъ, «вся земля трудящемуся народу» въ муниципальных выборахъ, гдѣ все связано съ дѣловымъ благоустройствомъ города? Городская Дума не призвана рѣшать вопроса о землѣ для крестьянъ, ей не принадлежитъ право законодательныхъ функций. И та масса главнымъ образомъ городской

прислуги, которая соблазнилась лозунгом «земля и воля», введена въ заблужденіе, сознание ея не прояснилось.

III.

Истинный социализм совсѣмъ не проникаетъ у насъ въ сознание массъ. Многихъ пугаетъ, что Россія вступаетъ въ періодъ слишкомъ исключительнаго господства социализма. Это—неосновательный испугъ. Уже началась реакція противъ социализма, въ то время какъ настоящаго социалистическаго движенія у насъ еще не было. Немного большее количество сознательнаго социализма было бы для насъ полезно. За четыре послѣ-революціонныхъ мѣсяца почти ничего не сдѣлано для развитія социалистическаго сознания и социалистическаго творчества въ массахъ. Масса рабочихъ, солдатъ и крестьянъ совсѣмъ не ознакомлена съ элементами социализма и не проникается социалистической психологіей. Социалистическое сознание померкло и въ массѣ интеллигенци. Не слѣдуетъ смѣшивать революціонизмъ съ социализмомъ,—скорѣе можно было бы сказать, что они несовмѣстимы. Соціальное творчество предполагаетъ выходъ изъ отрицательной и подпольной психологіи революціонизма. Но у насъ есть основанія опасаться, что съ окончаніемъ господства чисто революціонной психологіи кончится и социализмъ, какъ основанный на отрицательныхъ чувствахъ. Невѣрно было бы сказать, что торжествуютъ и вѣдряются въ сознание идеи Михайловскаго и Плеханова. Скорѣе можно было бы decirъ, что идеи эти утонули въ торжествующей магогіи. Плехановъ и остается настоящимъ социалистомъ социаль-демократическаго толка, но онъ отвергнуть и извергнуть. Онъ и въ 1905 г., въ разгаръ эпидеміи революціоннаго максимализма, говорилъ и писалъ, какъ настоящій социалистъ. Подлинному социалисту не можетъ быть чуждо просвѣщеніе массъ, не можетъ быть безразлично развитіе производительныхъ силъ страны, онъ прежде всего озабоченъ качественнымъ повышеніемъ организованности и сознательности массъ. И вотъ приходится признать, что социализмъ терпитъ у насъ пораженіе. Торжество его кажущееся, совершенно внѣшнее и поверхностное. Это объясняется культурной отсталостью Россіи. Психика у насъ дѣлается не социалистической, а все болѣе частной и корыстно-эгоистической. Послѣ революціоннаго переворота, когда страна готовится къ Учредительному Собранію на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права, революціонный социализмъ есть совершенная нелѣпость и бессмыслица. Революціонный социализмъ сейчасъ въ Россіи можетъ быть лишь навязчивымъ воспоминаніемъ о старомъ рабствѣ и гнетѣ, перенесеніемъ въ новую и свободную Россію старой подпольной психологіи. Сейчасъ нужно положительное социальное строительство, творческая работа. Не существуетъ тѣхъ задерживающихъ социальное развитіе силъ, противъ которыхъ нужно было бы дѣлать революцію, всѣ пути открыты. Социализмъ можетъ быть лишь творческимъ, положительнымъ, основаннымъ на ростѣ сознательности, организованности и культурности трудящихся массъ, на подчиненіи части цѣлому. Но такого социализма у насъ слишкомъ мало, почти нѣтъ. Полное выгѣсненіе списковъ № 6 и 2 показываетъ, что болѣе сознательный социализмъ сейчасъ не имѣетъ успѣха и не нуженъ. Социализмъ ока-

зывается лишь совершенно условнымъ лозунгомъ революціоннаго максимализма. Но само социалистическое движеніе у насъ въ полномъ небреженіи, ибо нѣтъ положительной социальной организаци массъ, нѣтъ творческихъ социальныхъ обогащеній.

Я не поклонникъ Плеханова и идеи его мнѣ чужды. Но сейчасъ онъ вызываетъ къ себѣ большое уваженіе и трогаетъ. Онъ могъ бы быть самымъ популярнымъ и прославленнымъ человекомъ въ Россіи, онъ—многолѣтній вождь русской социаль-демократіи. Для этого онъ долженъ былъ бы держать себя хоть капельку, какъ демагогъ, вступить на путь лести и потворства массовымъ инстинктамъ. Но онъ предпочелъ говорить то, что сейчасъ считаетъ правдой, въ чемъ видитъ спасеніе для Россіи, для русской свободы и для самаго рабочаго класса, и онъ извергнуть, какъ ненужность. Сейчасъ не нуженъ «научный социализмъ», не нуженъ и «идеалистическій социализмъ». Социализмъ униженъ и пораженъ. Нужна классовая ненависть и корысть. Плехановъ призываетъ защищать отечество, а это требуетъ жертвъ и не можетъ быть приятно тѣмъ, которые прикрываютъ самое обыкновенное дезертирство идеями интернационализма. Но это продлится недолго. Народъ скоро протрезвится и потребуетъ реальной духовной и матеріальной пищи. Ему понадобятся тѣ, которые будутъ говорить ему правду и будутъ просвѣщать его. Вопросъ социализма не есть вопросъ политики и борьбы за власть, это—вопросъ социальной организаци созидающаго труда, вопросъ социальной культуры. Социаль-демократы и социаль-революціонеры до сихъ поръ были заняты организацией трудящихся массъ для политической борьбы за власть и развитіе революціи и потому отклоняли ихъ отъ положительныхъ социальныхъ задачъ. Отъ «развитія революціи», неизвѣстно противъ кого направленной, пора перейти къ социальному творчеству.

Николай Бердяевъ.

„ВЪ ЭТИ ДНИ“.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

НАКАНУНЪ.

26 февраля 1917 года, въ воскресенье, падалъ надъ Москвою густой, ровный снѣжокъ; вечеръ былъ тихъ, миренъ, прохожіе въ Каретномъ ряду нечесты. Покоя не было, однако, ни безмятежности; не дышалось на воздухѣ съ легкою и отрадною простотой; встрѣчные были скупы въ словахъ, воротники, хотя не было холодно, подняты выше обычнаго. Не скажу, чтобы и опредѣленное ощущалось безпокойство, но было томленіе, и языкъ этихъ чувствъ еще не нашель себя, былъ смутно-невнятенъ.

Спектакль уже шелъ, площадь передъ театромъ была пуста; скупо, храня энергію, два фонаря слегка золотили у небольшого, знакомаго еще съ юныхъ дней входа, знакомое имя театра. Я переждалъ, не входя въ зрительный залъ, конецъ перваго акта и первый антрактъ. И здѣсь, въ театральной пестрой толпѣ, замѣтна была, какъ и на улицѣ, все та же скрытая озабоченность, принесенная изъ дому, съ улицы, отъ разговоровъ въ кафе.

Мой старый знакомый, бывший военный и бывший актеръ, говорилъ мнѣ въ антрактѣ:

— Я дворянинъ, и всю свою жизнь былъ вѣрно-поданнымъ, но вотъ къ чему я пришелъ: *его* необходимо убраться. Не вѣрите, когда говорятъ, что онъ

«ротокъ и незлобивъ и имъ только вертять другіе,—жена. Я вамъ скажу,—онъ отъ природы чловѣкъ «кровожадный».

Мой собесѣдникъ продолжалъ и еще въ этомъ же родѣ, подѣ конецъ упомянувъ, что и самъ онъ былъ въ молодости адъютантомъ великаго князя (котораго именно—я не упомянулъ). Сказано это послѣднее было, конечно, затѣмъ, что бы усилить свою, *вотъ откуда* идущую суровую критику, но были забавны одновременно и нотки тщеславнаго самолюбования въ голосѣ, гордости почти и почти хвастовства этой (будто бы) бывшею близостью къ высшимъ кругамъ.

... Старая дѣтская, самая веселая комната въ домѣ. На итальянскомъ широкомъ окнѣ, на фонѣ цвѣтущей сирени, сидитъ героиня, урожденная княжна Дубенская, напротивъ, немного поодаль, мужъ ея—Страховъ, потомокъ Евгенія Страхова, чей старинный портретъ виситъ на стѣнѣ. Я слушаю (въ который разъ уже) напряженный ихъ діалогъ. И эти слова:

«Ты былъ бы тогда, какъ и онъ, декабристомъ, я увѣрена въ этомъ. Гляжу на тебя, и точно девятнадцатый вѣкъ, начало его, глядитъ черезъ первые годы двадцатаго».

— Ты находишь, похожъ?

— Аристократы вы! И революціей вашей зажглись потому, что были одни: мы сдѣлаемъ, декабрьскій морозъ подождетъ. А когда пришла теперь и прошла... наша недавняя и злосчастная, и надо было бокъ-о-бокъ терпѣть, съ этимъ самымъ народомъ, землей,—скорѣе къ сторонкѣ...»

Читатель меня извинитъ за эту короткую выписку, но слишкомъ мнѣ памяты эти слова этого вечера, ибо были они произнесены передъ притихнувшимъ заломъ на той исторической грани, когда уже былъ Петроградъ, а съ нимъ и Россія, на порогѣ иного своего бытія. И когда я пишу настоящія строки, когда уже столько прошло и столько еще впереди стихійныхъ, подземныхъ толчковъ, скрытая логика которыхъ довлѣетъ себѣ, тотъ же вопросъ о революционной и демократической интеллигенціи, о настоящей ея и будущей роли снова «бокъ-о-бокъ» («съ этимъ самымъ народомъ, землей» (неужели же снова: «къ сторонкѣ»?)—стоитъ онъ опять и опять съ необычайною остротой, и то или иное его разрѣшеніе чревато огромными послѣдствіями для самаго облика будущей новой, свободной Россіи. Но объ этомъ пока только къ слову.

Въ этотъ же вечеръ, сидя со Страховымъ, позади декораций, во время третьяго акта, вполголоса мы размышляли на тему о томъ, что «теперь ни за что нельзя поручиться за двадцать четыре часа впередъ». Немного спустя, въ одномъ изъ коридоровъ (за кулисами же) прислушался я и къ разговору театральныхъ рабочихъ; сужденія ихъ и отдѣльныя, достигавшія уха реплики, были очень рѣшительны и колоритны—въ лаконической своей выразительности.

Но все это были пока—отдѣльныя, раздробленныя черточки, невнятные мельканія чего-то, имя чему—неизвѣстность. Врядъ ли будетъ ошибкой сказать, что въ воскресеніе 26 февраля Москва не знала еще, что революція у порога. И на обратномъ пути по цѣпи бульваровъ до самой Пречистенки было все также безлюдно и тихо; рѣдкіи извозчикъ дремалъ, забившись подѣ бѣлый отъ снѣга кузовъ сидѣнья, въ привычныхъ тулупахъ безмолвно сонный порядокъ блюли сторожа, и ни одинъ городской не предчувствовалъ,

что бравую фигуру его скоро можно будетъ увидѣть лишь на экранѣ синематографа...

Не будетъ, однако, ошибочно и утверженіе, что революцію все-таки ждали. Первое время ждали ее и мыслили, называя глухо «реформами», конечно, лишь послѣ войны. Но война затянулась безмѣрно, все затрещало внутри отъ всевозможныхъ разрухъ и самыя эти разрухи принимали все болѣе отчетливый видъ злосчастныхъ, а жить приходилось въ тлетворной заразѣ то явной, то полуприкрытой измѣны, цинически подчеркиваемого издѣвательства и вопиющей оргіи организованныхъ грабежей, и не только что жить,—дышать становилось непереносимо. И съ убійствомъ Распутина мысль о дворцовомъ переворотѣ сразу стала на очередь. Объ этомъ открыто уже говорилось въ домахъ и на улицахъ, въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ.

Я помню рассказъ знакомаго офицера-артиллериста, всю эту войну проведеншаго на активнѣйшемъ юго-западномъ фронтѣ (пріѣхалъ онъ для леченія на нѣсколько дней на святкахъ въ Москву),—рассказъ о настроеніяхъ въ арміи, о томъ, какъ ждуть и не дождутся тамъ радостной вѣсти изъ тыла. Онъ былъ въ дорогѣ уже, когда на одной изъ крохотныхъ станцій Вольни вбѣжалъ въ вагонъ, запыхавшись, прапорщикъ съ листкомъ телеграммы въ рукѣ, это былъ извѣстие объ убійствѣ Распутина. Волненіе необычайное охватило всѣхъ ѣхавшихъ; листокъ ходилъ по рукамъ, и тутъ же съ устъ на уста перебѣгали слова: «Слава Богу... начало... Теперь вздохнемъ посвободнѣе... Теперь будемъ ждать по порядку...»

Опредѣленные ожиданія эти связывались то съ однимъ, то съ другимъ числомъ: ждали 9-го января, ждали 12-го... И общая увѣренность такъ была велика, что тотъ же офицеръ говорилъ убѣжденно: «Я еще не уѣду, а уже Николая не будетъ». Но гдѣ-то были предрѣшены пути для Россіи иные, и не дворцовая, не частичная, а пришла революція того же масштаба, какъ и огромное тѣло Россіи...

Неизбѣжно настанетъ для историка нашего времени срокъ (или для романиста), когда въ перспективѣ улягутся бури событія и отдѣльныя отольются фигуры въ строгія свои и величавыя формы, все станетъ на мѣсто. Но и сейчасъ все яснѣе становится и опредѣленнѣе чувство психологической необходимости того, что случилось и какъ именно это произошло. Всѣ нити дѣйствія въ рукахъ великолѣпнаго мастера грандіозной той драмы, свидѣтелями и участниками которой всѣ мы являемся, завязаны были въ сложнѣйшіи, мучительный узелъ, и вотъ однимъ, внезапнымъ напоромъ, рожденнымъ изъ самыхъ нѣдръ національнаго нашего бытія, узелъ этой безвыходности разсѣченъ съ молниеносной стремительностью, и чувство освобожденія великимъ восторгомъ охватываетъ души участниковъ-зрителей: да, именно такъ, и только лишь такъ! Правда пришла изнутри, все уже было готово въ нашей душѣ, въ каждой душѣ; не съ кѣмъ бороться, врагъ уже побѣжденъ, его нѣтъ, пусть прозвучитъ только древнее слово: «да будетъ свѣтъ»; и свѣтъ осіяетъ землю.

И революція эта, въ каждомъ рожденная, еще до внѣшняго ея проявленія уже свершившаяся внутри чловѣка, страны, была—какъ, поистинѣ, духъ, побѣждающій видимый міръ; только духовный порывъ—и все уже сдѣлано, ибо достаточно было, чтобы на-

родъ напрягъ свое зрѣніе и увидѣлъ—химеру; дохнулъ—и разсѣялись чары, злой сонъ.

Съ особою силой воспринималось это въ Москвѣ, гдѣ вовсе не было крови.

Произнесено только, пистинѣ, Слово,—и вы не зритель уже, вы и творецъ, ибо оно родилось и въ васъ, ибо вы подняты съ мѣста и рукоплещете, вы бѣжите и сами въ толпу... И паосъ вашъ въ эти рѣдчайшіе въ исторіи дни, часы и минуты, горѣніе ваше—они не бесплодны, они то и есть настоящее дѣло, активность. Каждый вашъ возгласъ, движеніе ногъ вмѣстѣ съ толпой, въ живой и единой рѣкѣ, каждый вашъ жестъ, гармонически слитый съ жестомъ другихъ, это и есть—единственно нужное и неизбѣжное, захватывающее отъ радостнаго вдохновенія дыханіе: это и есть свобода, новая стихія, низведенная чело-вѣкомъ на землю, равноправная воздуху, свѣту, теплу...

Придетъ «послѣ-завтра» (нынѣ пришло уже) и разсѣченныя, разрозненныя нити клубка, шипя и жала, какъ змѣи,—живой, освобожденный отъ всякихъ законовъ хаосъ, удесятерить съ невиданной силой колдоватныя смерчи по всей необъятной родимой странѣ, но это уже—новая пьеса, старая же блестяще завершена въ непрерываемой правдѣ, съ внезапностью апокалиптической.

Краткое время развязки оказалось емкимъ до невѣроятія, по ослѣпительности. То, на что нужны для обстоятельной и осмотрительной прозы цѣлые томы, со сжатой, алмазною силой куется въ стихѣ; больше того, минуя слова, грубая наша и неуклюжая жизнь—стала поистинѣ музыкой, и въ вихрѣ симфоніи какъ бы истлѣло самое понятіе времени. Краткая пауза передъ аккордомъ, сразу все разрѣшившимъ, казалась намъ безконечной,—январь и февраль ожиданій, два мѣсяца острой тоски, томленія, мрака, а короткихъ двухъ дней,—послѣдняго дня февраля и перваго марта было довольно, чтобы увидѣли мы нашу исторію преображенной.

Конечно, страницы историка объ этихъ стремительныхъ дняхъ будутъ блестящи въ логическомъ своемъ лаконизмѣ, отчетливой неизбѣжности въ смѣнѣ событій, внутренней правдѣ тѣхъ или иныхъ видимыхъ жестовъ вдругъ пробудившейся къ вольному дѣйствію нации; и для насъ, современниковъ, столь же законна и столь же непреоборима эта потребность подобнаго же яснаго видѣнія уже и теперь, въ самомъ ходѣ творимой исторіи—ритма ея, смысла на глубинѣ, грядущаго, еще скрытаго временемъ ея завершения. Но столь же, если не болѣе, намъ драгоценны иныя и самыя безхитростныя, но конкретныя кусочки жизни, которые сохранить для насъ въ какой бы то ни было формѣ эпоха, оставшаяся для потомковъ видимой только извнѣ; одни лишь они и остаются какъ тѣ маленькія окошечки *изнутри*, черезъ которыя можно вдругъ ощутить не одинъ только смыслъ данной эпохи, но и душу, самыя краски ея, аромать.

Двадцать седьмого гудѣла Москва, какъ потревоженный улей, но все еще сдержанно; день этотъ въ толпѣ былъ днемъ ожиданій. Кое на что намекали газеты и ты, изустная молвь, широко дополняла скудныя ихъ сообщенія. Вечернее «Время» вышло съ извѣстіемъ о роспускѣ Думы; въ немъ потонулъ успѣхъ англичанъ—взятіе таинственнаго съ дѣтскихъ лѣтъ города Багдада,—въ сущности, въ этотъ день взятъ уже былъ Петроградъ.

Никого изъ друзей за весь день я не видалъ, но когда 28-го зашелъ въ издательство (газеты не вышли), всѣ новости сразу узналъ изустно, вѣрнѣе даже, увидѣлъ: посерединѣ комнаты стоялъ писатель П. съ винтовкой черезъ плечо, рядомъ молоденькій офицеръ—оба они состояли въ милиціи, и уже это одно было достаточно красочно.

По Тверской за широкими стеклами замѣтно спѣшили по направленію къ думѣ; вышли и мы. Городевыхъ уже не было, небольшая толпа сгрудилась у входа въ красное зданіе достаточно казеннаго образца; внутри шли непрерывныя митинги, организовывались первые революціонныя комитеты. Время отъ времени выходилъ на невысокую лѣстницу въ вестибюлѣ трубаачъ и въ рупоръ оповѣщалъ толпу о принимаемыхъ рѣшеніяхъ; отдѣльныя отряды рабочихъ, студентовъ и барышенъ шли «снимать» солдатъ.

Быль ли уже и въ этотъ день энтузіазмъ, вѣра? Не знаю. Будто бы, нѣтъ еще. Больше того, вѣялъ скорѣй холодокъ: воспоминанія девяностъ пятаго года и второе (и главное)—война.

Мысль о войнѣ и объ опасности революціи во время войны была очень сильна, напряженна, волновала остро. Но стоило смутному этому напряженію вылиться въ словъ, въ споръ, въ разговоръ—и тотчасъ побѣждало сознаніе: да, пусть разруха (недѣля, двѣ...—такъ казалось тогда), но операція эта необходима, хирургу медлить нельзя.

Ни одного человѣка изъ массы, которую видѣлъ въ тотъ день, не встрѣтилъ, однако, кто бы хотя отдаленно выразилъ опасеніе, что можетъ явиться теченіе съ призывомъ немедленно кончить войну съ замѣной войною гражданскою; боялись вещи чисто техническихъ: разрухи желѣзныхъ дорогъ, заминки въ доставкѣ припасовъ. Характерно, что и объ арміи, о ея отношеніи къ перевороту, сомнѣній не возникало—всѣ *знали*, что и она встрѣтитъ это извѣстіе, какъ освобожденіе, какъ новое усиленіе мощи, какъ кратчайшій путь къ скорой побѣдѣ.

Была ли ошибка въ этой единодушной оцѣнкѣ? Будто бы да и будто бы нѣтъ. Факты намъ говорятъ («большевизмъ»), что будто бы всѣ ошибались: народу эта война была насильно навязана, онъ не хотѣлъ ея,—анализъ же «фактовъ» скажетъ, быть можетъ, нѣчто другое и, какъ всегда въ живой человѣческой жизни, неизмѣримо болѣе глубокое и сложное, но на этомъ мы будемъ еще имѣть случай остановиться.

Въ этотъ же день былъ я и еще разъ у думы, часовъ въ одиннадцать вечера. Мы шли вдвоемъ съ О. М. пѣшкомъ отъ Пречистенки. Не было людно, а если и шелъ кто, то только навстрѣчу и по лицамъ нельзя ничего разобрать: молчаніе, замкнутость. Но, начиная съ Воздвиженки, время отъ времени стремительно стали насъ обгонять, полубѣгомъ, кучки солдатъ, а на углу у Никитской валили уже цѣлыя толпы; всѣ они шли безъ оружія, беспорядочно, за спиной съ вещевыми мѣшками. Ни одного слова не было слышно въ толпѣ, точно всѣ эти бородачи были нѣмы; было среди нихъ много татаръ.

Въ безмолвіи этомъ бѣгущей солдатскою толпою было нѣчто почти фантастическое: точно оползень мертвою ночью въ горахъ. Съ перваго взгляда было, однако, понятно: это не революція и не контръ-революція, это было повальное бѣгство домой. Не знаю, дѣйствительно былъ ли приказъ отправляться домой, какъ намъ отвѣтили два-три изъ спрошенныхъ, но

къ вокзаламъ валили стихійно, и также стихійно валили бы, если бы этотъ приказъ и не отдавался въ дѣйствительности, а возникъ самъ собою тутъ же на улицѣ въ этихъ, подъ сорокъ лѣтъ головахъ, покотившихся подъ гору при первыхъ же глухихъ подземныхъ ударахъ. Въ такой непонятности—страшной—заворчала столица, и вообще-то чужая вся и непонятная, что была одна только мысль: бѣжать отъ кошмара домой...

На заднемъ же планѣ этой картины, какъ декорация, всѣми огнями свѣтился за бѣлой стѣной большой кремлевскій дворецъ и тускло сіяли отсвѣты отъ жидкаго фонарнаго золота на мертвыхъ стеклахъ манежа. Что было тамъ?.. Воображеніе давало опредѣленный отвѣтъ.

На думской площади также было народу немного. Какъ рой застигнутыхъ непогодю пчелъ, жались люди лишь къ изчерна-красному зданію. Неподалеку отъ входа горѣли костры и въ невѣрномъ ихъ пламени самое зданіе казалось величественнѣй и опредѣленно-революционнѣе. Странно, но такъ: самые камни дышали уже по-иному.

Первое, что поразило и навсегда останется въ памяти—это солдаты вдоль входа. Въ нихъ ничего не было общаго съ тою бѣгущей въ сумракѣ ночи толпой, одѣтой въ шинели. Стояли они на караулѣ, охраняя революціонную думу. Эти винтовки въ рукахъ черезъ каждые пять шаговъ, штыки—на защиту свободы!.. Впечатлѣніе было едва ли не самое сильное изо всего, сильнѣе, я чувствую, того, что принесла съ собою революція завтра—уже торжествующая, съ обнаженными шашками, со знаменами, на глухо громящихъ, набитыхъ-биткомъ грузовикахъ...

Солдатъ этихъ было немного, всѣ они были молоды, блѣдны, внутреннее острое напряженіе въ нихъ трагически было подчеркнута видимой ихъ неподвижностью, непреклонностью; каждый изъ нихъ рисковалъ головой...

Шла, какъ и днемъ, сугубо кипучая жизнь, принимались рѣшенія, отдѣльныя группы вновь отправлялись «снимать»; противорѣчивыя вѣсти объ арсеналѣ, о Спасскихъ казармахъ волновали толпу; время отъ времени съ трудомъ продвигались между толпой автомобили, изъ нихъ выходили люди, уже не молодые, солидные: земскій союзъ, городской, гласные думы. Это крѣпило толпу, давало увѣренность; это было то дополненіе, которое создавало всю націю, изолируя лишь ничтожную кучку.

Въ числѣ подъѣзжавшихъ былъ одинъ и полковникъ, немолодой; его появленіе особливо было отмѣчено. Онъ шелъ между людей и говорилъ почему-то, повторяя нѣсколько разъ: «ничего страшнаго, все идетъ хорошо».

Морозъ къ ночи крѣпчалъ и, на обычномъ посту, плотнѣе закутывалъ свой тулупъ управскій маленькій сторожъ съ сѣдьющей рыжей бородкой.

Уже послѣ полуночи шли мы домой; въ сущности, было уже число перваго марта, весенняго мѣсяца, и только гдѣ-то на изолированномъ крохотномъ остро-кѣ кучка «правителей» выносила бумажное свое постановленіе объ осадномъ въ Москвѣ положеніи. Шли мы не слишкомъ многогѣрчивы, какъ бываетъ всегда, когда на душѣ слишкомъ одно. И изъ всѣхъ впечатлѣній острѣе всего было и оставалось, какъ я помянулъ уже,—это: блѣдныя лица солдатъ въ рѣдкой цѣпи и рѣдкая грядка штыковъ—на охранѣ свободы.

Иванъ Новиковъ.

СОВРЕМЕННЫЙ КРИЗИСЪ ПРОМЫШ- ЛЕННОСТИ.

Русская промышленность въ настоящій моментъ переживаетъ тяжелый кризисъ, который можетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, перейти даже въ полный крахъ и гибель огромной массы промышленныхъ предприятий. Нѣтъ надобности доказывать значеніе сильной и развивающейся промышленности для интересовъ какъ всего народнаго хозяйства, такъ и отдѣльныхъ классовъ населенія. Желая всемирно поддержать и расширить отечественную промышленность, мы въ данное время должны уяснить себѣ всѣ тѣ причины, которыя вели и ведутъ ее къ разложенію, и попытаться построить систему экстренныхъ мѣръ, которыя могли бы спасти дѣло.

Конечно, переживаемый теперь кризисъ подготовлялся давно, съ самаго начала войны. Первыми ударами, нанесенными русской промышленности, были призывы квалифицированныхъ рабочихъ на военную службу и прекращеніе или, по крайней мѣрѣ, сильное сокращеніе привоза изъ-за границы сырыхъ и полуобработанныхъ товаровъ, нужныхъ для переработки въ русскихъ предприятияхъ. Первый ударъ сталъ парироваться привлеченіемъ новыхъ рабочихъ силъ, въ частности женскихъ, дѣтскихъ и военноплѣнныхъ. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности эта замѣна почти компенсировала утечку прежнихъ рабочихъ, напр., въ каменноугольной промышленности, но, несмотря на это, новые рабочие вслѣдствіе недостаточной опытности и привычки развивали значительно меньшую продуктивность труда, такъ что результаты производства сильно понижались.

Первые мѣсяцы войны, пока еще старые запасы сырья въ торговлѣ не были исчерпаны, недостатокъ сырья сказывался слабо, но уже на второй годъ войны, этотъ недостатокъ сдѣлался очень ощутительнымъ и подчасъ настолько острымъ, что приводилъ къ сокращенію производства. Съ каждымъ дальнѣйшимъ мѣсяцемъ этотъ вопросъ становился все болѣе существеннымъ, такъ что въ настоящее время многія предприятия вынуждены либо совсѣмъ приостановить свою работу, либо вести производство въ уменьшенномъ масштабѣ.

На промышленности отражались и другія неустройства нашего народнаго хозяйства, какъ разстройство транспорта и затрудненія въ продовольствіи. Желѣзныя дороги перестали обслуживать съ прежней математической правильностью товарообмѣнъ страны, и потому промышленныя предприятия, сплосъ и рядомъ, не могли получить во-время нужные материалы, топливо, не могли отправлять на рынокъ изготовленныхъ издѣлій. Все это разстраивало коммерческую и техническую стороны дѣла. Начавшій чувствоваться недостатокъ продовольствія въ рядѣ промышленныхъ центровъ вызывалъ осложненія въ рабочей жизни и недовольство рабочихъ.

Указанные недочеты въ значительной степени возмѣщались непрерывнымъ ростомъ цѣнъ на издѣлія. Этотъ ростъ цѣнъ слагался подъ вліяніемъ съ одной стороны ухудшавшейся бумажно-денежной системы, а съ другой—благодаря абсолютному недостатку товаровъ на внутреннемъ рынкѣ, который давалъ возможность поднимать цѣны безъ конца на началахъ монопольнаго владѣнія рынкомъ. На второй годъ

войны мы видимъ развернувшіеся аппетиты промышленнаго и торговаго класса въ дѣлѣ использованія выгодной рыночной конъюнктуры. Происходитъ настоящая вакханалія цѣнъ, спекуляція и нажива. Въ короткое время создаются миллионныя состоянія, промышленныя предприятия кончаютъ операционный годъ съ крупными дивидендами.

Когда разразилась революція, пролетаріатъ въ свою очередь оказался въ благоприятной конъюнктурѣ, приобрѣта выдающееся социально-политическое положеніе и влияние. Задавленные старымъ режимомъ естественныя стремленія рабочаго класса къ организаци и къ улучшенію своего экономическаго положенія немедленно сказались въ цѣлой лавинѣ требований восьмичасоваго дня и увеличенія заработной платы, сопровождавшихся стихійными многочисленными забастовками. Но, помимо этого, требовательность въ отношеніи повышенія заработной платы, которая была проявлена рабочими въ послѣдніе два мѣсяца, питалась и нездоровой экономической атмосферой, созданной въ торговой и промышленной жизни за предшествующій годъ—атмосферной спекуляціи и конъюнктуральной прибыли. Рабочій классъ, почувствовавъ силу, пожелалъ использовать ее для извлеченія максимума выгодъ точно такъ же, какъ въ свое время это сдѣлали другіе классы общества.

Но объективно, когда требованія повышенія заработной платы стали превышать сумму всей прибыли предпринимателей и даже грозили затронуть капиталы предприятий, промышленность почувствовала новый катастрофическій ударъ. Для ряда промышленниковъ было экономически невозможно удовлетворить всѣ требованія рабочихъ, и передъ ними всталъ вопросъ о ликвидаціи предприятий, если не будетъ найденъ какой-либо путь компромисса между спорящими сторонами.

Проблема заработной платы оказалась послѣднимъ осложненіемъ для русской промышленности, послѣдней каплей, переполняющей сосудъ. И въ результатѣ пережитыхъ годовъ войны наша промышленность чувствуетъ себя на краю гибели. Справедливо бывший министръ торговли и промышленности Коноваловъ заговорилъ на московскомъ съѣздѣ военно-промышленныхъ комитетовъ о возможности «непоправимой экономической катастрофы, когда миллионы людей окажутся безъ работы, безъ хлѣба и крова, когда агонія производства будетъ охватывать одну отрасль народно-хозяйственной жизни за другой, повсюду неся съ собой смерть и разруху, нужду и отчаяніе, вызывая финансовый кризисъ и общую рознь».

Въ настоящее время нормальное функционированіе торгово-промышленнаго аппарата прекратилось. Рынокъ потерялъ всякое регулирующее влияние, которое обезпечивало народному хозяйству максимумъ производительности и минимумъ цѣнъ. Между тѣмъ условия военнаго времени требуютъ наивысшаго напряженія всѣхъ хозяйственныхъ силъ страны какъ для обезпеченія фронта, такъ и для поддержанія дѣятельности тыла. Русская промышленность сама по себѣ, опирающаяся на нормальныя силы личной предприимчивости и конкуренціи, не въ состояніи овладѣть положеніемъ и выйти изъ того тупика, въ который она попала съ силу всѣхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ послѣднихъ 3 лѣтъ. Регулирующая сила конкуренціи исчезла, такъ какъ рынокъ принялъ моно-

польный характеръ, гдѣ цѣны слагаются по совѣмъ другимъ началамъ.

Необходимо замѣнить прежній аппаратъ, дѣйствовавшій въ промышленности, ея внутренними силами, какою-то новымъ аппаратомъ, могущимъ свести въ русло всѣ тѣ анархическія, разлагающія и разрушительныя силы, которыя стали проявляться въ промышленности изъ различныхъ источниковъ.

Первой мыслью является здѣсь обращеніе къ государству, обладающему той принудительной силой, которая необходима для регулированія возникшаго хаоса и для подчиненія извѣстному распорядку всѣхъ безъ исключенія промышленныхъ предприятий. Возникаетъ мысль о государственномъ управленіи черезъ посредство особыхъ общественныхъ комитетовъ, центральныхъ и мѣстныхъ, важнѣйшими отраслями отечественной промышленности.

Но эта идея, правильная въ своемъ существѣ, встрѣчаетъ одно существенное практическое затрудненіе. Временное Правительство въ дѣйствительности не располагаетъ тѣми тысячными кадрами опытныхъ специалистовъ различныхъ отраслей промышленности, которые могли бы принять на себя съ успѣхомъ управленіе этими отраслями. Опытъ ряда учреждений, вѣдавшихъ еще при старомъ режимѣ дѣлами каменноугольной промышленности, кожевенной, писчебумажной и др. и продолжавшихъ вѣдать ихъ съ измѣненіемъ своего состава и послѣ революціи, оказался довольно печальнымъ. Эти учрежденія, если и принесли нѣкоторую пользу, то далеко не въ томъ объемѣ, какого слѣдовало отъ нихъ ожидать, и во всякомъ случаѣ они не сумѣли провести съ надлежащей полнотой регулированіе и упорядоченіе своихъ отраслей производства.

Мы полагаемъ, что Временному Правительству не подл силу взять въ свои руки регулированіе всѣми важнѣйшими отраслями народнаго хозяйства. Для этого у него недостаетъ рабочаго персонала. Приходится подумать о такой организаци, которая могла бы соединить государственное регулированіе и контроль съ хозяйственной предприимчивостью и дѣловитостью. Такой организацией могутъ служить принудительныя синдикаты изъ самихъ промышленниковъ съ участіемъ представителей отъ правительства, которые несли бы на себѣ функцію только надзора, но не организаторскую. Послѣдняя оставалась бы въ рукахъ опытныхъ практиковъ—промышленниковъ, что и обезпечивало бы рациональное функционированіе промышленности.

Сочетаніе въ принудительныхъ синдикатахъ частной инициативы и предприимчивости съ государственнымъ контролемъ и регулированіемъ и представляется намъ въ данный моментъ выходомъ изъ того тяжелаго положенія, въ какое попала русская промышленность.

М. Н. Соболевъ.

БОРЬБА НАЦІЙ И БОРЬБА КЛАССОВЪ.

«Капиталь интернаціоналенъ; капиталисты всѣхъ странъ и народовъ имѣютъ общіе интересы, побуждающіе ихъ итти рука объ руку и общими усиліями укрѣплять социальный строй, дающій имъ силу и власть». «Интересы пролетаріата діаметрально противоположны интересамъ буржуазіи; примирить враждующіе классы ничто не можетъ; не можетъ быть и пере-

мирія между ними». «Рабочимъ различныхъ странъ дѣлится между собою нечего; поэтому нѣтъ причины, изъ-за которой народъ могъ бы возстать на народъ, рабочіе одной національности могли взять оружіе и пойти истреблять рабочихъ другой національности».

Все это—азбучныя истины научнаго социализма. Но глубоко ошибается тотъ, кто думаетъ, что истины эти абсолютны и непреложны: онѣ относительны, какъ и все въ мірѣ. Бываютъ въ исторіи народовъ моменты, когда классовыя противорѣчія ступаютъ, когда пролетаріатъ и буржуазія заключаютъ между собою если не миръ, такъ длительное перемиріе; когда ихъ общіе интересы начинаютъ толкать ихъ въ сторону империализма; когда умолкаетъ голосъ поработаннаго класса, и слышатся воинственные клики борющагося за свое существованіе народа.

Такъ было во Франціи въ 1793—1795 годахъ, когда революціонный французскій народъ, позабывъ внутреннія распри и разногласія, единодушно возсталъ для того, чтобы отразить натискъ поднявшейся противъ него реакціонной Европы—французскій пролетаріатъ примирился съ французскою буржуазіей на почвѣ необходимости совмѣстнаго отстаиванія завоеванныхъ революціей свободъ.

Не менѣе интересна и та позиція, которую занялъ въ 1848 году теоретикъ классовой борьбы Карлъ Марксъ, ортодоксальные послѣдователи котораго его именемъ призываютъ пинче солдатъ бросать окопы и настаиваютъ на необходимости покончить войну. Въ ту пору Россія и Германія занимали позиціи, диаметрально противоположныя тѣмъ, которыя онѣ занимаютъ сейчасъ: Германія только что пережила революцію—не такого, конечно, необъятнаго масштаба революцію, какъ та, что совершилъ русскій народъ, но все-таки революцію; Россія же, зажатая въ тиски николаевскаго режима, представляла собой угрозу для Европейской свободы. Учитывая это обстоятельство, 2-го іюня 1848 года Карлъ Марксъ писалъ въ «Новой Рейнской газетѣ»:

«Только война съ Россіей можетъ быть войной революціонной Германіи, войной, въ которой она могла бы смыть съ себя позоръ грѣховъ своего прошлаго, въ которой она могла бы вернуть себѣ мужество и побѣдить своихъ собственныхъ автократовъ, въ которой она могла бы, какъ подобаетъ народу, сбрасывающему оковы долгаго, коснаго рабства, принести жизнь своихъ собственныхъ сыновей въ жертву пропагандѣ цивилизаціи и, освободившись отъ внутренняго гнета, освободиться отъ гнета внѣшняго».

Позднѣе Марксъ и Энгельсъ, какъ свидѣтельствуеетъ Каутскій, пытались повліять на англійское общественное мнѣніе, стараясь побудить Англию къ открытію военныхъ дѣйствій противъ Россіи. Царизмъ, по ихъ мнѣнію, являлся опаснымъ врагомъ европейской свободы, и только сила оружія западно-европейской державы могла бы его обезвредить.

Но наиболѣе замѣчательнымъ историческимъ примѣромъ классоваго перемирія въ интересахъ борьбы съ внѣшнимъ врагомъ является парижская Коммуна 1871 года. На первый взглядъ такое утвержденіе можетъ показаться парадоксальнымъ: Коммуна открыла свои дѣйствія подъ флагомъ интернаціонала; движеніе имѣло ярко подчеркнутый классовый характеръ;

тѣмъ не менѣе, я беру на себя смѣлость утверждать, что зарождалась коммуна подъ знаменемъ классоваго перемирія во имя успѣха борьбы съ германцами. Парижъ осажденъ былъ 20 сентября 1870 года, всего двѣ недѣли спустя послѣ безкровной революціи 4 сентября. Революціонный Парижъ отказывался вѣрить въ возможность взятія города и при всякой неудачѣ на улицахъ происходили угрожающія демонстраціи по адресу безсильнаго временнаго правительства. Вопросъ, какъ отразить непріятели, занималъ всѣ слои парижскаго населенія, и требованія парижанъ объ учрежденіи Коммуны основывались главнымъ образомъ на воспоминаніяхъ о поразительныхъ результатахъ, достигнутыхъ при подобныхъ же условіяхъ первой парижской Коммуны 1792—1793 г. 20 января 1871 года Трошю заявилъ, что долше выдерживать осады городъ не можетъ, а 22 января въ полдень въ Батиньоль и повсюду въ другихъ кварталахъ раздался бой барабановъ и послѣ полудня городская ратуша была окружена національными гвардейцами и вооруженною толпой, требовавшими установленія коммуны.

Мы видимъ такимъ образомъ, что первоначально Коммуна носила внѣклассовый характеръ и создавалась она въ интересахъ національной защиты. Впослѣдствіи она приняла совершенно иной обликъ.

Бросимъ, однако, исторію и обратимся къ настоящему времени. Мы знаемъ, что до войны во Франціи пролетарскія массы находились всецѣло подъ вліяніемъ Густава Эрве, проповѣдывавшаго антимиитаризмъ и настаивавшаго на объявленіи всеобщей стачки въ случаѣ, если начнутся военныя дѣйствія. Проповѣдь Эрве имѣла успѣхъ не только во Франціи, но и въ Италіи, Бельгії, Испаніи—вообще во всѣхъ романскихъ странахъ. Мало сторонниковъ находила она только въ Германіи, гдѣ вожаки рабочаго движенія Карлъ Каутскій и Августъ Бебель поспѣшили отмежеваться отъ антимиитаризма, назвавъ идеи Эрве утопическими, а мысль о всеобщей стачкѣ въ случаѣ войны—невыполнимой.

И они оказались правы. Глубоко ошибется, однако, тотъ, кто подумаетъ, что ихъ правота основана на какихъ-либо теоретическихъ построеніяхъ. Наоборотъ. Ихъ теоретическія выкладки и превыспреннія разсужденія о національномъ чувствѣ и долгѣ передъ родиной являются слѣдствіемъ весьма прозаическаго факта: война—и именно война наступательная, война съ империалистическими цѣлями,—выгодна для всего населенія Германіи безъ различія классовъ. Она необходима для германской промышленности и для обихъ представляющихъ ее классовъ: и для буржуазіи, и для пролетаріата.

Германской промышленности необходимо было убить своихъ французскихъ и бельгійскихъ конкурентовъ—и она ихъ убила, разрушивъ Бельгію и разоривъ сѣверъ Франціи. Германскимъ буржуа и рабочимъ необходимъ былъ дешевый хлѣбъ, и они неудержимой лавиной хлынули на Литву и Украину, съ ихъ неизмѣримыми полями, прошли огнемъ и мечомъ по долинамъ и горамъ Сербіи, уничтоживъ ея земледѣльческое населеніе, повергли въ экономическое рабство хлѣбородную Болгарію.

Интересы германскихъ буржуа и германскихъ рабочихъ слились. Германская промышленность можетъ шириться и расти, можетъ богатѣть германскій бур-

жуа и улучшать свое экономическое положение германский пролетарий, может уменьшиться среди германских рабочих количество безработных исключительно только в том случае, когда к Германии отойдет часть плодородных пажитей Литвы и Украины, и когда Германия - победительница навяжет России торговые договоры, которые убьют или, по крайней мере, скуют по рукам и ногам русскую обрабатывающую промышленность.

Сын германской промышленности—германский буржуа и его пасынок—германский пролетарий заключили между собою длительный мир против их общего экономического врага—русского рабочего и русского земледельца. Рука об руку они—эти аргонавты 20-го столетия—пошли искать золотое руно в пустых закромах русского мужика и в тощем кошельке русского пролетария. Если они этого золотого руна не найдут, кризис германской промышленности неизбежен: она слишком переросла потребности имѣющихся у Германии рынков и без дальнѣйшаго развития существовать она не может; ее задушат ее собственные туки.

Кризис германской промышленности будет имѣть непремѣнным послѣдствием увеличение постоянной безработной армии германского пролетариата. При таких условиях приходится ли удивляться тому, что братски протянутая рука русского рабочего повисла бесильно в воздухе и что призыв русского пролетариата к германскому—свергнуть Гогенцоллерновское иго, встрѣтил в Германии лишь иронические возгласы? Если бы германские рабочие без всякаго давления на Германию со стороны ее экономических и политических врагов, согласились на мир без аннексий и контрибуций, пришлось бы признать что погибь ужь Ваалъ и вернулась на землю любовь, что идеологические мотивы стали брать в людях верх над шкурными интересами.

Но этого вѣдь нѣтъ и менѣе чѣмъ кто бы то ни было другой могут вѣрить в царство Божіе на землѣ наши марксисты, тянущиеся к немцамъ съ распростертыми объятіями. Материалисты в теории, они оказались наивными идеалистами на практикѣ, за что жизнь и наградила их чувствительнымъ щелчкомъ. Наградила и будет награждать до тѣхъ поръ, пока они не вспомнятъ учение хотя бы того же Карла Маркса, именемъ котораго творятъ нелѣпости. Германский рабочий войны не прекратитъ, пока Германия не добьется своей цѣли или пока не выпадетъ оружіе изъ ее обезсилѣвшихъ рукъ. Не свергнетъ онъ и Вильгельма, который пока необходимъ ему в качествѣ звена, связующаго германскую армию, в качествѣ символа чаемой побѣды.

Когда же Вильгельмъ будет свергнутъ и будет ли онъ свергнутъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ Карлъ Каутскій в своей брошюрѣ: «Патриотизмъ, война и социаль-демократія», доказывая, что поражение на войнѣ всегда и во всѣхъ случаяхъ неизбежно должно повлечь за собою революцію недовольнаго и разореннаго народа. Слѣдовательно, если мы проникнемся интересами германскихъ рабочихъ и захотимъ завоевать для нихъ дѣйствительную, а не призрачную политическую свободу, мы, по слову Каутскаго, должны разгромить ихъ на полѣ битвы, а все остальное они продѣлаютъ уже сами.

В. Островскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Перемѣны въ составѣ Временнаго Правительства.—Усиленіе вліянія революціонныхъ демократическихъ организацій.—Декларация новаго правительства.—Вооруженное возстаніе въ Петроградѣ.—Большевизмъ и германскій шпионажъ.—Разоблаченія, сдѣланныя Г. А. Алексинскимъ и В. С. Панкратовымъ, и отставка министра юстиціи П. Н. Переверзева.—Покушеніе на А. Ф. Керенскаго.—Прорывъ нашего фронта.

Истекшая недѣля полна крупнѣйшей важности политическихъ событій. Мы можемъ лишь суммарно коснуться ихъ, не вдаваясь въ подробный разборъ ихъ. Происшедшя событія, составляющія крупный историческій переломъ въ ходѣ русской революціи, несомнѣнно явятся исходнымъ пунктомъ крупныхъ перемѣнъ въ русской жизни, и къ нимъ намъ не разъ, придется вернуться въ дальнѣйшихъ обзорахъ.

Перемѣны, какія произошли въ составѣ Временнаго Правительства, уже давно подготовлялись. Ушли четыре министра партии народной свободы А. И. Шингаревъ, А. А. Мануиловъ, кн. Д. И. Шаховской и В. А. Степановъ. Вслѣдъ за этимъ ушелъ съ своего поста и министр-предсѣдатель кн. Г. Е. Львовъ. Причина ухода названныхъ министровъ: разногласія во взглядахъ по цѣлому ряду вопросовъ между социалистической частью министровъ и министрами—не-социалистами. Разногласія эти касались и иностранной, и внутренней политики, и аграрнаго вопроса, и вопросовъ національных,—украинскаго и финляндскаго.

Расхождение въ программныхъ вопросахъ и въ пониманіи стоящихъ передъ правительствомъ задачъ, а не какія-либо иныя причины побудили ушедшихъ министровъ отказаться отъ участія въ правительственной дѣятельности. Въ ближайшемъ будущемъ составъ Временнаго Правительства явится болѣе однороднымъ. Оно будетъ опираться всецѣло на революціонныя демократическія организаціи и проводить въ жизнь ихъ программу. Это уничтожитъ нѣкоторую существовавшую доселѣ обособленность Временнаго Правительства отъ вліятельныхъ дѣйственныхъ органовъ русской революціи и придастъ ему большую силу и авторитетъ, столь нужные въ настоящій моментъ, чтобы благополучно вывести страну изъ многочисленныхъ опасностей, ее окружающихъ. Во главѣ Временнаго Правительства становится популярнѣйшій изъ дѣятелей, русской революціи, А. Ф. Керенскій. Образуется социалистическое министерство изъ представителей умѣренныхъ и отвѣтственныхъ социалистическихъ партій и фракцій. Присутствіе немногихъ министровъ-не-социалистовъ не мѣняетъ сути дѣла. Такая перегруппировка, несомнѣнно, болѣе соотвѣтствуетъ тѣмъ теченіямъ и настроеніямъ въ странѣ, которыя проявили себя въ русской жизни. Въ дальнѣйшемъ все будетъ зависеть отъ того, насколько берущіе въ свои руки власть элементы будутъ авторитетны и сильны, сумѣютъ ли они обособиться и справиться съ анархическими разрушительными теченіями въ русской жизни и найти вѣрные пути къ созидательной творческой работѣ.

Опубликованная декларация Временнаго Правительства въ этомъ отношеніи вселяетъ надежды. Своей первой основной задачей новое правительство считаетъ напряженіе всѣхъ силъ для борьбы съ внѣш-

нимъ врагомъ и для охраны новаго государственнаго порядка отъ всякихъ анархическихъ и контръ-революціонныхъ покушеній. Въ этомъ новомъ правительствѣ теперь обѣщаетъ «не остановиться передъ самыми рѣшительными мѣрами власти». Въ опубликованной деклараціи заключается много и другихъ важныхъ дѣйствій и мѣропріятій, которыя будутъ осуществлять новое правительство. Оно, путемъ регулированія земельныхъ отношеній, обѣщаетъ бороться съ земельными захватами, путемъ введенія контроля за промышленностью, бороться противъ хозяйственной разрухи и пр. Но, разумѣется, оборона страны и борьба съ анархіей—самыя важныя задачи, какія стоятъ въ настоящій моментъ передъ новымъ правительствомъ и всѣмъ русскимъ обществомъ.

Благо, что новое правительство смотритъ бодро на будущее и вѣритъ въ «быстрое оздоровленіе политической жизни страны», хотя не закрываетъ глаза на то, что «насталъ грозный часъ». Величайшая опасность въ томъ, что войска германскаго императора уже прорвали фронтъ русской арміи. «Это страшное дѣло,—говоритъ декларація,—было для нихъ облегчено преступнымъ легкомысліемъ и слѣпымъ фанатизмомъ однихъ и измѣной и предательствомъ другихъ». И не только на фронтѣ, но и въ тылу страшныя опасности сторожатъ русскую свободу. Петроградское вооруженное возстаніе показало, что анархическая смута, оставшаяся доселѣ безнаказанной, пустила глубокіе корни, что въ средѣ населенія имѣются элементы, стремящіяся захватить власть у Временнаго Правительства. Во имя чего дѣйствовали эти люди? Правительственная декларація называетъ ихъ «фанатиками». Несомнѣнно, въ рядахъ петроградскихъ повстанцевъ были фанатики, за которыми слѣпо слѣдовала темная масса, возбужденная демагогическими призывами, классовою ненавистью и невыполнимыми посулами. Можетъ быть, въ ихъ рядахъ дѣйствовали темныя силы, реакционеры, сторонники царской власти, которые, участвуя въ возстаніи противъ революціоннаго правительства, стремились довести отечество до гибели и затѣмъ вернуть въ общей смутѣ снова власть въ свои руки. Но теперь, однако, стало извѣстно, что петроградскій бунтъ, этотъ мятежъ противъ русской революціи и русской свободы,—дѣло также рукъ германскаго шпіонажа, успѣвшаго вовлечь въ орбиту своего вліянія черезъ своихъ агентовъ, ставшихъ лидерами одного изъ революціонныхъ теченій, даже молодую Россію, подобно тому, какъ раньше тѣ же германскіе шпіоны держали въ своихъ цѣпкихъ рукахъ Россію царскаго режима...

Петроградъ 3-го и 4-го июля сталъ ареной контръ-революціонной борьбы. Подстрекнутые большевистскими агитаторами и темными лицами, пулеметчики и примкнувшіе къ нимъ солдаты и рабочіе хозяйничали въ городѣ, стрѣляли въ людей, дома, разбивали магазины. На улицахъ лилась кровь. Были убиты и ранены. Подъ опасностью захвата находились всѣ государственныя учрежденія и само революціонное правительство. Одинъ изъ министровъ-соціалистовъ, В. М. Черновъ, уже былъ подвергнутъ аресту. Толпа бунтовщиковъ осаждала Таврическій дворецъ и проникла въ него. Захватъ власти былъ къ осуществленію близокъ. Былъ моментъ, когда Временное Правительство оказывалось почти обезсиленнымъ. Министры, осажденные въ Таврическомъ дворцѣ, зывали въ штабъ петроградскаго военнаго округа о присылкѣ

войскъ и выручки ихъ. Тамъ же въ плѣну у осаждавшихъ находился и исполнительный комитетъ совѣтовъ р., с. и к. депутатовъ. Нападенія бунтарскихъ толпъ происходили и въ послѣдующіе дни, стрѣляли въ полки, которые были на сторонѣ Временнаго Правительства. Происходилъ бунтъ, а не беспорядки, бунтъ, имѣвшій цѣлью захватъ власти и едва не осуществившійся. Онъ заключалъ въ себѣ страшныя опасности для судебъ русской революціи.

Это особенно ясно теперь, когда обнаружилось, въ какой близости къ германскому шпіонажу стоятъ руководители петроградскаго возстанія и проповѣдники гражданской войны вмѣсто борьбы съ внѣшнимъ врагомъ.

Въ печати опубликованы два важныхъ документа: письмо бывшаго члена 2-й Государственной Думы Г. А. Алексинскаго и шлиссельбуржца В. С. Панкратова и протоколъ, составленный по поводу написанія названнаго письма. Первый документъ—это обвинительный актъ, изобличающій въ государственной измѣнѣ и предательствѣ нѣкоторыхъ лидеров большевистской фракціи с.-д.: Ленина, Ганецкаго, Козловскаго. Второй документъ—это свидѣтельство безсилія власти въ борьбѣ съ большевизмомъ. Письмо Г. А. Алексинскаго и В. С. Панкратова раскрыли передъ русскимъ обществомъ потрясающую картину. Нашей контръ-развѣдкой еще въ половинѣ мая было обнаружено изъ показаній прапорщика Ермоленко, что агитацію въ пользу скорѣйшаго заключенія сепаратнаго мира съ Германіей по порученію германскаго генеральнаго штаба и на германскіе деньги ведутъ въ числѣ другихъ агентовъ глава большевизма Ленинъ и предсѣдатель украинской секціи «Союза освобожденія Украины» Скоропись-Полтуховскій. Ленину поручено стремиться всѣми силами къ подорванію довѣрія русскаго народа къ Временному Правительству. Деньги и инструкции пересылаются черезъ довѣренныхъ лицъ. Въ томъ же документѣ указываются тѣ пути и довѣренныя лица, черезъ которыхъ приходили германскія деньги дѣйствующимъ въ Россіи названнымъ агентамъ. Это «Дисконто-Гезельшафтъ» въ Берлинѣ, «Віа-Банкъ» въ Стокгольмѣ и Сибирскій банкъ въ Петроградѣ, а довѣренныя лица—большевикъ Фюрценбергъ (онъ-же Ганецкій), Троцкій, Козловскій, г-жа Суменсонъ. Козловскій и г-жа Суменсонъ уже арестованы. Объ арестѣ Ленина, Зиновьева, Каменева, Троцкаго отданы распоряженія. Разслѣдованія, начатыя по поводу событій 3-го и 4-го июля, съ несомнѣнностью устанавливаютъ, что петроградское возстаніе было организовано при участіи германскихъ правительственныхъ агентовъ. Объ этомъ свидѣтельствуется въ своей радиотелеграммѣ А. Ф. Керенскій. Къ возстанію былъ привлеченъ тѣми же преступными элементами Балтійскій флотъ, а также команды кронштадтцевъ.

Второй документъ, который мы назвали, свидѣтельствуется, что разоблаченія, которыя сдѣланы въ письмѣ Алексинскаго и Панкратова, были извѣстны ранѣе многимъ членамъ Временнаго Правительства, что и контръ-развѣдкой, и разслѣдованіемъ министра юстиціи П. Н. Переверзева и какимъ-то самостоятельнымъ разслѣдованіемъ, производившимся министрами Н. В. Некрасовымъ и М. М. Терещенко, независимо отъ прочихъ вѣдомствъ, были установлены данныя относительно участія германскаго шпіонажа

въ подготовкѣ вооруженнаго возстанія и принадлежности къ шпіонажу большевиковъ. Тѣмъ не менѣе, никакихъ предупредительныхъ мѣръ не было принято и даже въ моментъ возстанія опубликованіе письма за подписями Алексинскаго и Панкратова явилось инициативой частныхъ лицъ, встрѣтившей поддержку лишь у министра юстиціи Переверзева. Между тѣмъ, какъ показываютъ факты, изложенные въ опубликованномъ протоколѣ, широкая огласка письма Алексинскаго и Панкратова съ заключавшимися въ немъ свѣдѣніями привлекла въ дни смуты къ себѣ широкое вниманіе и вызвала переломъ въ настроеніи противъ бунтарей и въ пользу подчиненія лозунгамъ организованной демократіи. Если бы не было этихъ разоблаченій, раскрывающихъ глаза народу на истинную подкладку анархической и бунтарской агитации и проповѣди противъ войны, кто знаетъ, какой обротъ приняли бы событія.

Казалось бы, теперь на многое пролить свѣтъ, казалось бы теперь ясно, гдѣ друзья и гдѣ враги народа, кто желаетъ благо родинѣ и кто ведетъ ее къ гибели, злоумышляя противъ русской свободы и русской революціи. Однако послѣдующее заставляетъ только недоумѣвать. Отъ петроградскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ печатается воззваніе, въ которомъ заключаются нападки на «органы контръ-революціонной печати» за то, что «они сообщаютъ о яко бы установленномъ фактѣ свѣдѣній большевиковъ съ германскимъ правительствомъ». Одновременно въ томъ же Совѣтѣ раздаются голоса противъ принятыхъ правительствомъ мѣръ по отношенію къ анархистамъ и большевикамъ, такъ какъ въ нихъ-де заключается «преслѣдованіе опредѣленной политической партіи». Что это? Непониманіе происходящаго, капитуляція передъ большевизмомъ или боязнь компрометтировать фракцію только потому, что она именуется социалистической? И такъ поступаютъ организаци и лица, которыя берутъ сейчасъ въ свои руки государственную власть. Эта власть должна быть въ твердыхъ рукахъ, сомнѣніямъ и колебаніямъ не должно быть мѣста, слабость власти ведетъ къ анархіи и ставитъ отечество на краю гибели.

«Наступилъ грозный часъ!». Дѣйствительность не оставляетъ въ этомъ никакихъ сомнѣній. Германцы наступаютъ, а передъ ними бѣгутъ въ тылъ воинскія части, боевой духъ и дисциплину въ которыхъ успѣли разрушить ленинская агитация и происки германскихъ шпіоновъ. И въ тылу эти темныя силы не дремлютъ и онѣ организуютъ возстаніе, несутъ плакаты съ надписью: «первая пуля Керенскому»: тому, кто повелъ русскія революціонныя войска противъ полчищъ Вильгельма. Въ Полоцкѣ этотъ лозунгъ большевистскаго плаката былъ выполненъ: на жизнь Керенскаго было совершено покушеніе. Кѣмъ и съ какой цѣлью? Можетъ ли быть тутъ какое-либо сомнѣніе! Покушеніе нужно было врагамъ родины, врагамъ русской свободы. Съ врагами необходима борьба.

Н. Гюрданскіи.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Четвертаго іюля въ засѣданіи англійской палаты общинъ министру иностранныхъ дѣлъ былъ поставленъ слѣдующій вопросъ: «имѣются ли у него какія-нибудь официальныя свѣдѣнія о томъ, что

возстановленіе монархіи въ Китаѣ было устроено на германскія деньги?» Лордъ Робертъ Сесиль отвѣтилъ: «свѣдѣнія о финансированіи монархіи нѣмцами были получены съ разныхъ сторонъ, но они не были съ достаточностью подтверждены».

Какъ далеко германскій шпіонажъ и германскія интриги опутали нашу планету—свѣдѣнія объ этомъ дастъ только будущая исторія. Сейчасъ мы еще не знаемъ точно, дали ли нѣмцы деньги на китайскую монархію, но мы знаемъ зато, что деньги эти были отпущены на русскій бунтъ. И не только Германія содѣйствовала ему деньгами, бунтъ былъ вдохновенъ, повидимому, сотнями германскихъ агентовъ, склонившихъ къ нему тысячи легковѣрныхъ людей, повѣрившихъ несбыточнымъ мечтамъ о социальномъ раѣ. Ужасъ беретъ, когда видишь, что двадцатый вѣкъ сумѣлъ сдѣлать изъ подкупа и провокаціи могущественнѣйшую международную силу. Нѣмецкія деньги осквернили самыя возвышенныя человѣческія идеи—идеи равенства, социальной справедливости и братства народовъ. Кто спорить, война ужасна. Но не ужаснѣе ли, что говорящіе противъ войны, говорятъ это за нѣмецкое золото.

Какъ бы то ни было, но международная нѣмецкая интрига сдѣлала свое дѣло. На западномъ фронтѣ многочисленныя германскія войска ведутъ послѣдовательное наступленіе на союзниковъ. Нашъ русскій фронтъ поколебался, подъ Тарнополемъ случилась катастрофа, стоившая намъ недешево.

Во внутренней жизни Германіи разразилась буря, которая, по сравненію съ нашими дѣлами, можетъ показаться бурей въ стаканѣ воды. Въ Германіи возникъ, назрѣлъ и завершился кризисъ. Вотъ краткая лѣтопись этого происшествія, къ которому лучше всего примѣнимы слова: гора родила мышъ. То общее недовольство внѣшней и внутренней политики правительства, о которомъ мы получали очень отрывочныя извѣстія, въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль вылилось въ осязательныя формы образованія нѣкоторой, правда умѣренной, парламентской оппозиціи. Въ рейхстагѣ образовался оппозиціонный блокъ изъ большинства с.-д. (шейдемановцевъ), свободомыслящихъ, партіи католическаго центра и значительной части національ-либераловъ. Представители блока выступили съ критикой правительственной политики и рѣшили отклонить пятнадцатимилліардные кредиты на войну до введенія нѣкоторыхъ демократическихъ реформъ. Въ мудромъ разрѣшеніи конфликта сыгралъ, повидимому, большую роль крон-припцъ и генераль Гинденбургъ. Вступивъ въ переговоры съ вождями блока, они настояли на необходимости немедленнаго измѣненія правительственной политики. 1-го іюля нашего стилия мы получили извѣстіе о манифестѣ кайзера, вводящемъ въ Пруссіи всеобщее избирательное право. Четвертаго іюля канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Казалось, что Германія стоитъ накануне рѣшительныхъ перемѣнъ, однако послѣдующія событія нѣсколько измѣнили надежды тѣхъ, которые ждали въ Германіи чуть-чуть не революціи.

Кайзеръ пошелъ навстрѣчу пароду, но не отказался отъ своихъ прерогативъ. Отставка канцлера была смѣной лицъ, но не системы. Новый канцлеръ былъ назначенъ такъ же, какъ старый—единоличной волей Вильгельма. Разрѣшеніе кризиса не привело Германію къ парламентскому министерству,

не установлению парламентарного режима. Кризис не достиг главного: ограничения личной воли кайзера во внешней и внутренней политике, установления контроля над ней со стороны народного представительства.

В настоящем моменте кризис можно считать разрешенным. 7-го июля рейхстаг принял военные кредиты в 15 миллиардов, против которых голосовало только социалистическое меньшинство. Принятие кредитов указывает, что оппозиция пошла навстречу правительству, удовлетворившись теми подачками, которые правительство сделало народу. Новый канцлер Михаэлис санкционировал в своей речи в рейхстаге господство личного режима в политике и на будущия времена. «Я считаю полезным тесный контакт с большими партиями,— сказал он. Правительство готово сделать все для успеха этого сотрудничества. Я считаю желательным усилить доверие между парламентом и правительством призывом на руководящих должностях людей, обладающих доверием парламента. Умаление конституционного права правительства в руководстве внутренней политикой недопустимо. Мы стремимся к созданию новой Германии, нравственно очищенной, богобоязненной, свободной и мощной».

Как же отразился германский кризис на вопросе о мире? В начале кризиса манифест, изданный оппозиционным большинством, гласил: «Рейхстаг 4-го авг. 1914 г. выразил убеждение, что Германия прибегает к оружию единственно ради защиты своей свободы, независимости и территориальной неприкосновенности. Теперь, накануне четвертого года войны, большинство рейхстага стремится к той же цели. Покуда неприятельская правительства не признают мира на этих основаниях, германский народ будет продолжать борьбу для обеспечения прав Германии и ее союзников». В подобных же выражениях блок сделал заявление и в рейхстаге. Формулу блока пресса справедливо называла туманной. С одной стороны, она подчеркивает старую непреклонность германской воли к войне, с другой—допускает толкование в духе «мира без аннексий и контрибуций». Новый канцлер разсвлял туманность, сказав по поводу формулы блока следующее:

— Германия не желала войны для насильственных завоеваний. Мы желаем заключить мир на условиях, приемлемых для людей, успешно защищавших свое дело. Наша миролюбивая рука встретила пустой воздух. Предель империи должны быть гарантированы, как и жизненные условия империи, на суше и море. Надо воспрепятствовать наступательному экономическому союзу противников. Если враги желают вступить в переговоры, вся Германия согласна с этим.

Речь канцлера расколола, повидимому, самую оппозицию. Большинство с.-д. отменило свое несогласие с канцлером, другие партии примкнули к его словам. Повидимому, мир налаживается,—но не мир между народным, а внутренний германский мир, сулящий Европе дальнейшим сопротивлением Германии.

Английский король решил переменить фамилию царствующего в Великобритании дома, который ведет свое происхождение из Германии, на фамилию Виндзор. Можно отрицать политическое значение этого факта, но нельзя расходиться в психологи-

ческом его толковании: противогерманское настроение английского общественного мнения несколько не уменьшилось. То, что в России делали в начале войны, для англичан не потеряло смысла и в конце ее. Впрочем, газеты отмечают и политическое значение изменения царствующей фамилии. Царствующий дом отказывается, повидимому, от части наследственных своих привилегий. Всегда оригинальный строй английской монархии как бы движется к республике. «Коронованная республика»— вот удачное выражение, характеризующее будущее английского королевства.

Н. Н.

СРЕДИ КНИГЪ.

Из брошюры по социализму, обзорные которых началось в № 1 нашего журнала, безусловно внимания заслуживает брошюра М. Вольскаго. Социализм. К чему стремятся социалисты и как они хотят достигнуть своей цели, книгоизд. «Труд и Воля». № 32. Автору удалось разложить вопрос на ряд простых и ясных тезисов, что придает изложению характер особой выпуклости и доступности. Правда, изложение местами страдает некоторой отрывочностью и поспешностью, однако основной здравый и серьезный тон брошюры отчетливо укладывается в головы читателя. Особенно ценными нужно признать мысли автора о, так называемом, социализме нищеты. «Знамя социализма,—говорит он определенно связано с представлением об огромном улучшении экономического положения, полной свободы, небольшом и легком труде, красивой, привлекательной комфортабельной жизни и т. д.». Но, по признанию автора «такой социализм в ближайшие годы совершенно невозможен... Наоборот, крайняя нужда будет длиться еще продолжительное время, до тех пор, пока социалистическое общество энергичным неустанным трудом... трудом в самых тяжелых условиях,—не повысит размер производства, не увеличит наше богатство» (стр. 41). Соблазна современного русского социализма заключается в том, что будущий строй представлять, как свободу от труда и от обязанностей. Подчеркивая, что в настоящее время возможен лишь «социализм нищеты», автор берет на себя тяжелый труд борьбы с той демагогией, при помощи которой сейчас вербуют социалисты, обещая людям немедленный социальный рай. Мы не можем не отметить также мысли М. Вольскаго о необходимости власти (стр. 42), о теории социального переворота, которую автор безусловно отвергает (ср. стр. 26). [«Не переворот, а ряд преобразований. Не захват, а государственно-демократическое... проведение в жизнь единого научно выработанного плана»] наконец, о невозможности «вести» социализм посредством диктатуры меньшинства (стр. 27 и сл.). Усвоение всех этих простых идей есть лучшее средство борьбы с современной анархией.

Как и большинство брошюр, написанных социалистами, брошюра М. Вольскаго содержит слишком огульное отрицание основ капиталистического строя. Нет оснований быть его поклонником, но нельзя отрицать и его чрезвычайную техническую силу, гибкость и приспособляемость. Нельзя отрицать и того, что психологическая основа капитализма

глубоко заложены въ духовномъ мірѣ массъ. Демократическое капиталистическое общество, какъ оно существуетъ, напр., въ Америкѣ, создаетъ атмосферу вѣчной жизненной игры, съ большими ставками, съ рискомъ потерять все или приобрести много, съ внезапными паденіями и съ столь же внезапными подъемами,—ту атмосферу, которая для многихъ современныхъ людей ближе, чѣмъ степенная умѣренность социализма. Пока эти психологическія силы не будутъ вытравлены изъ человѣческой души, социализмъ не приобрететъ для себя большинства.

На второе мѣсто нужно поставить брошюру «Чего ждать крестьянину и рабочему отъ республики». Издательство «Революціонная библиотека». Петроградъ, 1917. Авторъ удачно предостерегаетъ отъ взгляда на республику, какъ на дивное царство, въ которомъ текутъ молочныя рѣки съ кисельными берегами. «При республикѣ Россія не можетъ сейчасъ же одна перейти къ социализму... Это повело бы только къ паденію русской промышленности, разоренію русскаго государства и полной нищетѣ для самихъ рабочихъ»... «Соціалъ-демократическая партія всегда понимала это»... Къ сожалѣнію, этого не понимаютъ наши большевики.

Брошюра В. Агатова. Социалистическое государство будущаго, Москва, 1917. Издательство «Новая Россія»,—содержитъ довольно поверхностное изложение вопроса, оживленное нѣкоторыми историческими примѣрами, смыслъ которыхъ самому автору несовсѣмъ ясенъ. Едва ли община Аммона или Утопія Мора можетъ помочь пониманію того, какъ такое социалистическое государство будущаго, какъ мыслить его, напримѣръ, Марксъ. Авторъ смотритъ на социализмъ исключительно черезъ нѣмецкіе очки, оттого у него въ социалистическомъ государствѣ нѣтъ права

свободнаго выбора занятій (стр. 21), существуетъ трудовая повинность (стр. 20), имѣется особое рабочее вѣдомство и т. д. Что сказали бы объ этомъ французскіе синдикалисты? Авторъ не знаетъ, повидимому, что существуетъ другой, негосударственный, идеалъ социализма безъ повинностей и особыхъ вѣдомствъ.

Брошюра Н. Вернера. Куда идетъ развитіе общества. Изданіе Культурно-Просвѣтительнаго Отдѣла 2-й Якиманской Управы, Москва, 1917,—не содержитъ ни одного грамма научности, но большой запасъ демагогии.

Брошюра «Что такое социализмъ?» Социально-политическая библиотечка, изд. Е. М. Егорова, Москва, 1917,—лишена всякихъ достоинствъ.

Въ виду крайней необходимости распространять у насъ здравыя понятія о социализмѣ въ періодъ поголовнаго увлеченія имъ, нелишне будетъ указать на нѣкоторыя старыя изданія, принадлежащія, правда, къ «буржуазной» литературѣ, но имѣющія большія культурно-просвѣтительныя достоинства. Изъ нихъ нужно назвать: 1) А. Менгеръ, Право на полный продуктъ труда Москва, 1905. 2) Его же, Новое ученіе о государствѣ. СПб, 1905. 3) Атлантикусъ, Государство будущаго. Производство и потребление въ социалистическомъ обществѣ, изд. «Знаніе», 1906. 4) В. Зомбартъ, Социализмъ и социальное движеніе.

Бдкую сатиру на социалистическое государство даетъ извѣстный вождь нѣмецкихъ свободомыслящихъ Евгени Рихтеръ въ своихъ «Соціалъ-демократическихъ картинахъ будущаго».

Хотя брошюра является явнымъ памфлетомъ, однако нѣкоторыя затрудненія государственно-социалистической организаціи вскрыты съ большою тонкостью.

Народоправецъ.

Редакторъ: Г. И. Чулковъ. Издатель: Московская Просвѣтительная Комиссія при Временномъ Комитетѣ Государственной Думы.

Московская Просвѣтительная Комиссія.

БРОШЮРЫ:

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

1. ПР.-ДОЦ. Н. П. АНУФРИЕВЪ. Новѣйшая республиканская конституція (Португалия). Ц. 40 к.
2. ПР.-ДОЦ. Н. П. АНУФРИЕВЪ. Два русскіихъ учредительныхъ собранія (1613 и 1917 гг.). Ц. 30 к.
3. Н. А. БЕРДЯЕВЪ. Народъ и классы въ русской революціи. Ц. 25 к.
4. Н. А. БЕРДЯЕВЪ. Возможна ли социальная революція? Ц. 30 к.
5. Е. ВОРИСОВЪ. Гражданинъ и обыватель. Ц. 30 к.
6. А. ОГЛИНЪ. Демократическая организація арміи. Ц. 30 к.

ПОЯВЛЯТСЯ ВЪ БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ.

7. ПРОФ. Н. Н. АЛЕКСѢЕВЪ. Что такое социализмъ?
8. ПРОФ. В. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВЪ. Анархизмъ.
9. В. Г. ГРЕЧЕВЪ. Государство и церковь въ смутное время.
10. ПР.-ДОЦ. О. Ф. РЕЧЕКЪ. Что такое свобода.
11. ПРОФ. Е. В. СПЕКТОРСКИЙ. Что такое конституція.
12. ПРОФ. В. М. УСТИНОВЪ. Власть народа.
13. ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ. Михаилъ Вакуинъ и современный «большевизмъ».
14. ПРОФ. А. С. ЯЩЕНКО. Что такое федеративная республика и желательна ли она для Россіи.
15. ПР.-ДОЦ. Н. Н. ФЮЛЕТОВЪ. Церковь и государство.
16. БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ. Бесѣда о войнѣ.
17. ПРОФ. А. А. СОВОЛЕВЪ. Земельный вопросъ.
18. ПРОФ. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ. Пропорціональные выборы.
19. ПРОФ. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ. Что нужно знать каждому русскому гражданину объ учредительномъ собраніи.
20. ПРОФ. В. М. УСТИНОВЪ. Монархія и республика.
21. А. ПОЙМИНОВЪ. Единая и неравнѣдная Россія.
22. Н. Ф. ЕЗЕРСКИЙ. «Чего хотятъ нѣмцы и чего хотимъ мы съ оккупантами».
23. ВЛ. ОСТРОВСКИЙ. Прямое народное законодательство.

Адресъ конторы издательства: Москва, В. Дмитровка, 13, кв. 18. Тел. 2-39-96.

Московская Просвѣтительная Комиссія.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„НАРОДОПРАВСТВО“.

Содержаніе перваго номера:

Н. А. БЕРДЯЕВЪ. Свободный народъ.—ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ. Хмель.—Проф. Н. Н. АЛЕКСѢЕВЪ. Буржуазія.—БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ. Мы, военные...—Проф. Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВЪ. Любовь и ненависть въ социальной жизни.—А. ПОЙМИНОВЪ. Патриотизмъ французской революціи.—Гр. АЛЕКСѢЙ Н. ТОЛСТОЙ. Изъ записной книжки.—Проф. М. И. ФРИДМАНЪ. Сущность финансоваго вопроса.—Н. М. ЮРДАНСКИЙ. Внутреннее обозрѣніе.—БОРИСЪ КРЕМНЕВЪ. Наступленіе.—Н. Н. Международное положеніе.—НАРОДОПРАВЕЦЪ. Среди книгъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На одинъ мѣсяць—1 руб. 20 коп., на три мѣсяца—3 руб.

Цѣна отдѣльнаго номера—30 коп.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ:

Бол. Дмитровка, д. 13 (ходъ съ переулка), кв. 18. Тел. 2-39-96.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ:

Солянка, д. 1, кв. 88. Телеф. 3-97-14.

Въ издательствѣ Московской Просвѣтительной Комиссіи готовится къ печати наглядный атласъ съ объяснительнымъ текстомъ:

„Что такое аннексія и самоопредѣленіе народностей“.